

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ШУСТРОЕ РЕБРО АДАМА

СЕК ЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина

Шустрое ребро Адама

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

Шустрое ребро Адама / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
— (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

Мариша знала, что ее дядя с тетей люди небедные. Но когда за дядюшку, похищенного из квартиры молодой любовницы, потребовали выкуп в сто тысяч «зеленых», и эта сумма мгновенно нашлась, у Мариши открылись глаза на многое. Под крышей фирмы, руководимой ее родственниками, проворачиваются темные дела. И Мариша принимает решение вместе с верной подругой Дашей не только найти похитителей и вызволить дядю, по которому, несмотря на измену, убивается тетушка, но и накрыть всю преступную шайку. Достать мошенников хоть из-под земли, а точнее – из подземного бункера, их тайного логова. Туда и проникают храбрые подруги...

Дарья Калинина Шустрое ребро Адама

Озабоченно пощелкав новым зубным протезом, Серафима Ильинична уставилась на себя в зеркало. Несмотря на явно завышенную цену, коронки упрямо не хотели садиться на место. Женщина попробовала еще раз поклацать зубами и прошипела проклятие в адрес светила стоматологии – профессора с якобы золотыми руками, «выход» на который пришлось искать среди знакомых чуть ли не целый год, и в итоге – этакое стоматологическое чудо. Но, кроме явного эстетического несовершенства, рот плохо закрывался, жевать новыми зубами было решительно невозможно, поэтому уже неделю Серафима Ильинична питалась исключительно протертой пищей и разными жидкими супчиками, которые терпеть не могла всю жизнь с самого раннего детства.

Отварные супы она глотала уже неделю потому, что светило, сделав пациентке протез, отправилось отдыхать от трудов праведных на Средиземное море и должно было вернуться не раньше следующего месяца. Даже тот факт, что до начала следующего месяца осталось всего десять дней, Серафиму Ильиничну мало радовал. Есть хотелось немилосердно. Хотелось копченой колбасы, жареного мяса, орехов и свежих яблок, чтобы вгрызаться в них, а потом с аппетитом пережевывать сочную мякоть.

Поняв, чего она лишилась по вине бандита в белом халате, женщина даже застонала от бессильной злобы. Идти к другому врачу, чтобы тот подогнал коронки, все ее знакомые в один голос запретили, сказав, что это будет неэтично по отношению к Альберту Францевичу. Мысль о том, что эта скотина сейчас жрет всякие южные деликатесы, в то время как она даже вареную картошку вынуждена несколько раз пропускать через мясорубку, а потом разводить ее бульончиком, привела женщину в бешенство.

Серафима Ильинична поняла, что ей глубоко плевать, сочтет светило ее поведение оскорбительным для него или нет, и решила отправиться в районную зубную поликлинику. Приняв решение, она быстро подошла к платяному шкафу и отодвинула створку. Схватив первую попавшуюся штотку – джинсы она решила оставить, – оказалось, что это просторная мужнина рубашка, она торопливо натянула ее на себя. Покончив с этим, она закрыла шкаф и полюбовалась на свое отражение в зеркале.

Смотрелась Серафима Ильинична, несмотря на свои сорок пять и новый мост, из-за которого рот чуток перекашивало, отлично. У нее была изумительная оливковая кожа, благодаря ежегодному отдыху у моря и посещениям солярия несколько в раз в месяц. Светлые пушистые волосы, стянутые в роскошный хвост за спиной, и длинные ноги без малейшего признака варикоза. Кто бы знал, чего это стоило! Но себя Серафима Ильинична никогда не забывала и тщательно блюла, так как твердо была уверена, что лучшая награда мужу за его труды – это цветущая элегантная жена.

Единственное, что портило впечатление от общего вида, – левый карман на рубашке, который как-то неестественно топорщился. Решив узнать, в чем дело, Серафима Ильинична сунула туда руку и извлекла на свет божий использованную упаковку от презерватива. Онемев от удивления, она некоторое время таранилась на этот маленький кусочек бумаги, не понимая, как он мог оказаться в ее рубашке. Потряса головой, чтобы мысли немного успокоились, прервав верчение по кругу с бешеной скоростью, Серафима Ильинична вдруг вспомнила, что рубашка-то не ее, а мужа, потому что в ее рубашке этой гадости быть точно не могло. Но что это меняло?! Гадость и подлость оставались.

Супруги не пользовались презервативами уже много лет, предпочитая другие способы защиты от нежелательной беременности. Предположить, что обертка сохранилась в кармане с тех далеких времен, когда супруги еще прибегали к помощи резинок, тоже было невозможно.

Тогда в продаже были лишь изделия отечественного производства, да и не стал бы Валериан Владимирович – чистюля из чистюль – столько времени таскать с собой надорванную обертку. Предположение, что муж поднял из каких-то соображений эту обертку и положил в карман, Серафима Ильинична тоже отбросила как слишком уж фантастическое.

Можно было, конечно, измыслить какое-нибудь иное объяснение присутствию этой обертки в рубашке мужа. Например, визит инопланетян, которые по своей инопланетной и чуждой нам логике решили поступить именно так. Или муж спрятал эту бумажку у себя на груди машинально, а ее сунул ему какой-нибудь приятель. Или он нашел ее у себя в кабинете и приберег в качестве улики, когда будет делать выговор секретарше за использование его кабинета в неслужебных целях.

Но нет, последнее вряд ли прокатило бы. Секретарше Валериана Владимировича было сильно под шестьдесят, весила она почти полтора центнера, и столь легкомысленное поведение было не в ее духе. Опять же рубашку эту муж на работу никогда не надевал, считая клетку слишком вызывающей, неподобающей для офиса.

Но вообще, если задаться целью оправдать мужа, то предположений можно было придумать кучу. Однако Серафима Ильинична привыкла всегда смотреть правде в лицо. И сейчас она начала догадываться, что ее счастливая и в целом спокойная семейная жизнь разом разлетелась вдребезги. Несчастливая жена с незакрывающейся челюстью вихрем пронеслась к телефону и набрала номер своей сестры.

– Валериан мне изменяет! – прокричала она в трубку.

– Кто это? – раздался удивленный голос ее сестры Тамары.

– Это я, твоя сестра, – прорыдала Серафима Ильинична.

– Фима? – еще больше удивилась сестра. – А что с голосом?

– Господи, ну протез мой, я же тебе говорила, – принялась объяснять Серафима Ильинична.

– Тебе нужно немедленно идти к врачу, – озабоченно заявила Тамара Ильинична. – Я же по голосу слышу, что с тобой все плохо. Иди к врачу сейчас же, слышишь?

– У Валериана любовница, – повторила Серафима Ильинична.

– Иди к врачу, тебе говорят, – продолжала гнуть свое сестра. – Что ты сказала? Любовница? У кого? У твоего хлюпика?

– И вовсе он не хлюпик, – обиженно возразила Серафима Ильинична. – Ты его просто всегда недолюбливала. Может, это он...

Тут она чуть не ляпнула, что ее муж из-за Тамары Ильиничны и ее нечуткого отношения к его персоне стал изменять своей жене, но поняла, что это уж она хватит через край. Сестра ее жила отдельно и на семейную жизнь Валериана никак не влияла, вообще избегая встречаться с ним лишней раз. Так что о ее нелюбви Валериан мог лишь смутно догадываться, но так как особой чувствительностью никогда не страдал, то и говорить не о чем.

– Так что у тебя там с мужиком? – решила уточнить сестра. – Совсем сбежал или как?

Ужаснувшись такому предположению, Серафима Ильинична начала блеять что-то невразумительное.

– Ясно, – заключила сестра. – Улик у тебя нет.

– А презерватив? – нерешительно спросила Серафима Ильинична.

– Это чушь, а не улика, – отрезала сестра. – Ну, сходил мужик разок на сторону, так от этого брак только крепче станет. Ты, кстати говоря, не помнишь, куда твой муженек последний раз надевал эту рубашку?

– На рыбалку, – вспомнила Серафима Ильинична. – Друга какого-то у себя в офисе нашел, тот его к рыбалке и приохотил. Уже несколько месяцев каждые выходные он хватается удочки – и за рыбой.

– Ясно, – помрачнела голосом сестра. – Это уже серьезно.

– Что серьезно?

– Любовница у твоего мужа не разовая, а с серьезными претензиями, – охотно пояснила ей сестра. – И дураку понятно, что рыбалку он измыслил только в качестве предлога. Ты сама посуди, какой из него рыбак?

– Вообще-то и я удивлялась, как это он все выходные в полевых условиях, а возвращается чистенький и благоухающий дорогим шампунем. Да и рыба у него, честно говоря, иногда казалась слегка подмороженной. Но он мне говорил, что зашли к еще одному приятелю, а он как раз баню топил, вот отсюда и чистенький. А рыбу заморозил, чтобы не испортилась с вечера. Как не поверить, ведь все очень правдоподобно. Правда, один раз принес мороженого морского окуня.

– Ты вот что, – сказала сестра, – раньше времени волну не гони. Нужно точно убедиться, что у него кто-то есть, а потом уж решать, как действовать дальше.

– А как узнать? – обреченно спросила Серафима Ильинична, мозги которой совершенно отказывались соображать от обилия бед, свалившихся на нее. – Спросить у него?

– Ни в коем случае! – испугалась сестра. – Ты так только все погубишь. Он тебе наплетет с три короба, а потом затаится. Нет, так ты ничего не выяснишь.

– Но если он соврет, значит, не хочет меня терять, – заметила Серафима Ильинична.

– Ничего это не значит! – возмутилась сестра. – Тоже мне знаток мужской психологии. Все мужики трусы и терпеть не могут выяснять отношения. Соврет чего-нибудь, чтобы ты успокоилась и больше не цеплялась. Нет, с мужиком, если он загулял, нужно действовать хитростью. И в первую очередь выяснить все про свою соперницу.

– Соперницу! – ахнула пораженная в самое сердце Серафима Ильинична.

– Называй как хочешь, а суть от этого не меняется, – сказала сестра. – Так, сегодня у нас третья? Нет, сегодня я тебе помочь не могу.

– С чем помочь? – спросила Серафима Ильинична, перед мысленным взглядом которой уже вставало, как они на пару с сестрой дубасят неверного мужа, или его любовницу, или их обоих вместе.

– Проследить за ним, – пояснила Тамара Ильинична. – Так что тебе придется действовать одной. Слушай, я на два дня еду за город, а ты за эти выходные все разузнай про своего Валериана. А когда я вернусь, ты мне все доложишь и мы вместе решим, как нам действовать дальше. Только поклянись мне, что не будешь выпрыгивать из засады на парочку. И обрушиваться с проклятиями на мужа тоже не будешь. Клянись!

– Вот еще, – пробормотала Серафима Ильинична. – Я ему все скажу, пусть знает.

– Так ты хочешь потерять мужа? – обрадовалась сестра. – Так бы сразу и сказала. А то – изменяет, страдаю, сразу в слезы!

– Я и в самом деле страдаю, – растерялась Серафима Ильинична. – И терять своего дурака из-за какой-то молоденькой вертихвостки не хочу.

– А, так ты уже знаешь, что она молоденькая!

– Нет, просто я думала...

– Она думала! – воскликнула сестра. – Вы слышите, она думала! Тоже мне мыслительница нашлась. Не о чем тебе думать, нужно все выяснить и доложить мне. Если получится, то попытайся понять, чем эта стерва твоего мужика захомотала. Впрочем, если она молоденькая, то это со всеми случается, тогда все понятно.

– Что понятно? – пролепетала Серафима Ильинична, которая только что выяснила, что ее драма вовсе и не такая уж драма, раз случается так часто и с гораздо более уважаемыми и умными людьми, чем ее муженек.

– Кризис среднего возраста! – сказала сестра. – Ну, знаешь, это когда мужик от сорока до пятидесяти лет находит себе совсем молоденькую любовницу и пускается с ней во все тяжкие. – Ему кажется, что таким образом он может обмануть старость и помолодеть.

– И что?

– А ничего, самый безопасный вариант, – сказала Тамара Ильинична. – Годика через два вернется обратно. Может, и быстрее, от здоровья зависит. Скорей всего, его принесут на носилках. Обычно этих мужиков инсульт разбивает от несоответствия желаемого и действительного, и остаток жизни они проводят под кровом родного дома, мирно попивая кефирчик.

– Он у меня еще бодрый, – заступилась за своего мужа Серафима Ильинична.

– Это он с тобой бодрый, а молодая кобылка его в два счета укатает. Говорю тебе, если у него молодая девка, то тебе нужно отпустить его попасть на вольные хлеба. Ей первой станет с твоим Валерианом скучно, кому весело с паралитиком сидеть.

От нарисованной ее сестрой перспективы Серафиме Ильиничне стало дурно.

– Подумаешь, я сама всю жизнь без мужа прожила, – продолжала поучать Тамара Ильинична. – И ничего. Отлично себя чувствую. Ты тоже одна поживешь, так во вкус войдешь, потом еще недовольна будешь, когда твой Валериан в полуразобранном состоянии вернется. Вот увидишь, ворчать будешь, чего, мол, явился. Без тебя, скажешь, так хорошо было. Что хочешь, то и делаю. Ни с кем советоваться не надо. Живи – не хочу!

– А деньги? – напомнила Серафима Ильинична. – Я же не работаю. А детей у нас нет.

– Вот! – обрадовалась сестра. – А я ведь тебе говорила. Заводи ребенка, не то будешь на старости лет куковать одна. Сейчас бы алименты со своего Валериана на ребенка вытрясла. А ты меня не послушалась. Не послушалась ведь? Говорила, что вы с Валерианом хотите жить для себя. Вот и живи теперь. Ничего, работать пойдешь. В метро книгами торговать или дежурной в то же метро. Многие женщины при мужьях там работают.

– Я не хочу в метро, – прорыдала Серафима Ильинична, которая за последние пять лет ни разу не спустилась под землю, обычно она вызывала такси.

Тут же по ассоциации подумала про отдых у моря, который теперь ей вряд ли будет по карману. И даже от косметического кабинета и массажа придется отказаться. А потом придет старость, и вернется муж-паралитик, истративший все свои сбережения на юную вертихвостку. И за ним нужно будет ухаживать да еще и самой зарабатывать на жизнь. Кошмар какой-то!

– Господи, ну что ты рыдаешь? – расстроилась сестра. – Я же тебе говорю, если она молодая, то волноваться практически не о чем. Ну, перетерпишь несколько лет.

– А если она не молодая? – с надеждой спросила Серафима Ильинична.

– Тогда твое дело труба.

– Почему?

– Потому что в этом случае между ними явно глубокое и сильное чувство. Ты подумай, может быть, в вашем браке с Валерианом ему чего-нибудь не хватало? Например, комфорта или душевной близости.

Серафима Ильинична напряглась и постаралась припомнить их с мужем повседневную жизнь. Попутно она задавалась вопросом, что в этой жизни могло так уж отвратить от нее Валериана. Почему-то вспомнился муж, стоящий с несчастным лицом перед грудой грязных носков и пытающийся выискать в них пару наименее грязных, в которых ему предстояло идти на какую-то важную презентацию. Какую – этого Серафима Ильинична вспомнить, к сожалению, так и не смогла. А носки остались грязными из-за того, что она купила потрясающе интересный детектив и забыла включить стиральную машину, чтобы выстирать наконец эти мерзкие носки.

И вот еще ситуация: она прибегает домой радостная, купила наконец-то вожеленный купальник, который искала уже несколько месяцев, а дома застаёт угрюмого мужа, который совершенно не разделяет ее восторгов, а бубнит что-то о своей язве, еде всухомятку и мечте о борще. Тогда Серафима Ильинична разозлилась и устроила мужу сцену, что он совершенно не разделяет ее интересов и хлопот. И только теперь ей пришло в голову, что после двенадцати

часов рабочего дня мужу могло быть не так уж важно, какой именно купальник приобрела себе жена.

– Какая я дрянь! – прорыдала Серафима Ильинична.

– Ладно, не реви, твой тоже хорош. В конце концов, это он тебе изменяет, а не наоборот, – сказала Тамара Ильинична. – Значит, ты все поняла? Сейчас возьми себя в руки и занимайся своими делами, как будто бы ничего не случилось. Встреть его ласково, но никаких многозначительных разговоров не заводи, чтобы он, чего доброго, не заподозрил неладное. А завтра, когда он отправится на свою рыбалку, ты пойдешь за ним и все сама увидишь. Может быть, и волноваться не из-за чего. Деньги у тебя есть?

– Пока есть.

– Ну так вот, наменяй мелких купюр, – сказала сестра. – Потому что тебе, вероятно, придется платить частникам, муж ведь твой на машине, не пешком же ты будешь его преследовать. Потом, может быть, придется платить в гостинице или соседям в доме, где живет его пассия, за информацию. Если будешь всем совать пятисотки, быстро разоришься.

Не успела Серафима Ильинична закончить разговор с сестрой и повесить трубку, как в дверях повернулся ключ. Муж вернулся домой. Валериан Владимирович был в свои сорок с хвостиком еще очень даже ничего. Конечно, годы сказывались, и не было в нем былой юношеской легкости, на смену ей пришла солидная уверенность в себе. В последнее время и походка у Валериана Владимировича, и манера разговаривать стали какие-то внушительные.

Недаром руководство любого предприятия сразу же замечало представительного мужчину и начинало продвигать его по служебной лестнице. Валериан Владимирович и сам толком не мог понять, как это у него получалось, однако ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения, что он способен только руководить.

Валериан Владимирович так поднаторел в этом искусстве, что когда грянула перестройка, то в первых рядах энтузиастов нового основал небольшую собственную фирму. Разумеется, он занял пост ее директора и показал себя за эти годы талантливым руководителем. Начали они с производства растворителя, а сейчас Валериан Владимирович управлял мощным химическим концерном, который занимался производством продукции самого широкого профиля.

С тех пор как дела пошли в гору, Валериан Владимирович стал еще более импозантным – сказывалась и должность, и хороший доход, позволяющий покупать без ущерба для всего прочего новый автомобиль хоть два раза в год. Другое дело, что делать это Валериан Владимирович не торопился, так как в личных тратах всегда был скуповат.

Ростом он был высок, а в плечах широк. В волосах ни единого седого волоса, и жена подозревала, что он их тайком от всех красит в салоне. У Валериана Владимировича был четкий профиль и лишь несколько морщин на лбу и мелкие морщинки возле глаз. То есть для своего возраста муж Серафимы Ильиничны выглядел на «пять» с плюсом.

– Фимочка! – ласково позвал он жену. – Ты где, мой птенчик?

В другое время Серафима Ильинична расцвела бы от такого обращения, но сейчас она усмотрела в ласковом обращении мужа скрытое признание вины. А при виде роскошного букета, который он поставил в вазу, бедную женщину прямо кинуло в дрожь.

– А у меня для тебя есть подарочек, – проворковал муж, и Серафима Ильинична почувствовала, что умирает.

Подарки муж ей делал исключительно два раза в году, на день ее рождения и на Восьмое марта. И то предпочитал в качестве подарка совать деньги в конверте. Серафима Ильинична к такому порядку вещей давно привыкла и не роптала. Должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, чтобы муж ради нее отправился по магазинам, которые ненавидел лютой ненавистью. А ведь он небось обошел несколько прилавков, выбирая подарок для жены.

– Смотри, какая красавица, – продолжал ворковать муж, извлекая из недр большой сумки нечто пушистое и мяукающее. – У нее и родословная чуть ли не к фараонам восходит.

Серафима Ильинична все-таки овладела собой и нашла в себе силы посмотреть, что там ей показывает муж. Подарком оказался роскошный рыжий котенок, более всего напоминающий мохнатый апельсин, столь яркой была его шерстка. Приплюснутая мордочка котенка выдавала в нем «перса», а общая миловидность говорила о том, что это кошечка. Глаза у кошечки были зеленые, словно яблоко.

– Я сразу подумал, что это для тебя лучший подарок, – рассказывал муж, пустив свое приобретение обнюхивать углы нового пристанища. – Тебе с ней будет не так одиноко одной.

От такой заботы мужа, который, собираясь бросить жену, даже кошку ей заблаговременно для компании купил, Серафима Ильинична ударилась в слезы.

– Что с тобой? – заволновался супруг. – У тебя аллергия на кошачью шерсть? Да что ты молчишь?

– Ты едешь завтра на рыбалку? – сквозь слезы спросила Серафима Ильинична.

– Да, а почему ты спрашиваешь? – насторожился супруг.

– Я бы тоже хотела поехать с тобой, – сказала Серафима Ильинична. – И котенок будет доволен, кошки ведь обожают свежую рыбу.

– Ну, ты придумала, – с облегчением вздохнул Валериан Владимирович. – Привезу я ей рыбы, совершенно тебе для этого не нужно мерзнуть целую ночь.

– А я не против померзнуть.

– Ну нет уж, там собирается исключительно мужская компания, в бане паримся. Ты же не будешь с пятью голыми мужиками в бане сидеть? А других женщин там нет, тебе будет скучно. Ты лучше подумай, как мы назовем нашу кошечку, – предложил муж, явно очень довольный, что придумал, как сменить щекотливую тему.

Серафима Ильинична больше не настаивала, она все поняла и теперь готовилась отомстить. Как она это будет делать и что из этого выйдет, она еще не знала. Но одно ей стало совершенно ясно: завтра утром муж поедет на свою псевдорыбалку не один.

Остаток вечера прошел спокойно. Серафима Ильинична, как всегда, приняв решение, успокоилась. Слезы у нее высохли то ли от бешенства, то ли от ненависти, которую она испытывала к мужу-предателю, с которым прожила почти четверть века и которому всегда безоговорочно верила, как самой себе. Но свои чувства Серафиме Ильиничне удалось скрыть. Она похвалила цветы, назвала кошку Оранж, быстро разогрела обед и даже попыталась укротить упрямую челюсть и немного выправить рот, чтобы у мужа сохранились о ней самые приятные воспоминания.

План действий у Серафимы Ильиничны носил весьма сумбурный характер. Начиная от убийства неверного и поджога гнезда разврата и кончая самоубийством и прочувствованным посмертным письмом, читая которое изменник обливался бы слезами.

Только два момента отвращали Серафиму Ильиничну от самоубийства. Первое, она сильно сомневалась, что упрямая челюсть захочет и после смерти хозяйки вести себя прилично, а лежать в гробу с перекошенной рожой, чтобы все на нее таранились и шептались, Серафиме Ильиничне не хотелось. А второе, она была почти уверена, что ее муженек забудет содержание ее посмертного письма уже через пару недель. Во всяком случае, содержание всех прочих личных писем он забывал уже через пару часов.

Поэтому к тому времени, когда муж взял свои удочки и какой-то сверток, надел проклятую клетчатую рубашку без малейшего намека на запах рыбы и ушел из дома, Серафима Ильинична была уже полностью готова к борьбе, а от мыслей о самоубийстве у нее не осталось и следа. Муж вышел из дома и, как и следовало ожидать, подошел к своей ненаглядной темно-синей новенькой «Ауди».

Впервые в жизни Серафима Ильинична пожалела, что в свое время не научилась водить и не выклянчила у мужа какую-нибудь его старую машину, которые он так часто менял. Впрочем, теперь Серафиме Ильиничне многое нужно было попробовать в первый раз. Например, по совету сестры, поймать частника.

Как это сделать в их спокойном дворике в центре города на Петроградской стороне, да еще тайком от мужа, сидящего в своей машине и задумчиво крутящего ручку радио, Серафима Ильинична решительно не представляла. Поэтому она ограничилась простым наблюдением, скрючившись в парадном собственном дома. Муж закончил возиться с радио и достал свой сотовый.

Номер он явно знал прекрасно, но в автоматической записной книжке этого телефона не держал. Это Серафиму Ильиничну насторожило еще больше. Обычно всех деловых знакомых муж заносил в телефонную книжку, а если он этого не сделал, значит, хотел скрыть его от кого-то. Скорей всего, от своей жены. Воспользовавшись тем, что муж увлекся разговором, Серафима Ильинична приготовилась проشمыгнуть по двору на улицу. Она приоткрыла дверь и тут же увидела прямо перед собой внушительного размера туфли и услышала:

– Здравствуйте, Серафима Ильинична!

Над согнувшейся в три погибели Серафимой Ильиничной стояла их соседка Глафира – на редкость неприятная баба, большая сплетница и трещотка.

В руках Глафира держала огромную хозяйственную сумку. Это в семь утра!

– Что это с вами? – спросила Глафира, с любопытством глядя на стоящую на четвереньках соседку. – Кого это вы тут выслеживаете?

Чертыхнувшись про себя, Серафима Ильинична распрямилась в полный рост и объяснила:

– Сережку потеряла.

– Господи, какой ужас! – ахнула Глафира. – А дорогая сережка-то?

– Дорогая, – высокомерно подтвердила Серафима Ильинична, всем своим видом показывая, что у нее дешевых драгоценностей быть не может. – С брильянтом и рубином. Глафира, милочка, если кто найдет, пусть принесет мне. Я заплачу как за пару. Очень уж их любила.

Глафиру от жадности прямо затрясло, и она сказала:

– Я вам помогу.

После этого она поспешно опустила на колени и принялась ощупывать пол, совершенно не обратив внимания на то, что в обоих ушах Серафимы Ильиничны красуется по сережке. Именно той самой – с рубином и брильянтом.

– Вот спасибо, – сказала Серафима Ильинична. – А я во дворе посмотрю пока.

И она выскользнула за дверь. Муж к этому времени уже закончил разговаривать по телефону и выезжал со двора. Кинувшись в другую сторону, Серафима Ильинична через проходную подворотню попала в соседний двор, а оттуда на улицу. Ей повезло, первая же машина остановилась возле нее, и женщина забралась в довольно грязную «пятерку». В салоне воняло бензином, от запаха которого Серафиму Ильиничну обычно выворачивало наизнанку, но сейчас она противного запаха даже не заметила, целиком поглощенная преследованием.

Муж выехал с Лахтинской на Большой проспект, проехал до Невы, выехал на Дворцовую площадь, а с нее синяя «Ауди» устремилась по Невскому проспекту по направлению к каналу Грибоедова. Там муж припарковал машину, вышел из нее и направился к Дому книги. Серафима Ильинична с трудом переводила дыхание, следя за мужем из салона «пятерки», и никак не могла взять в толк, куда же он направляется, если его приятель по рыбалке жил (опять же по словам мужа) где-то на Непокоренных.

– Дамочка, вы так и будете на улице таращиться? – спросил у нее шофер. – У меня дела еще. Я не могу тут с вами целый день сидеть.

Серафима Ильинична кинула на хама такой взгляд, что любого он испепелил бы на месте, а этот наглец только хмыкнул и взял протянутые деньги. После этого их ничто больше не связывало, и Серафиме Ильиничне пришлось вылезать на улицу, где палило не по-утреннему яркое солнце. От волнения Серафима Ильинична в своем шерстяном костюме обливалась потом, еще не ступив на порог Дома книги.

Муж уже был там и поднимался на второй этаж. Страшно опасаясь, что он обернется и увидит ее, или посмотрится в зеркало и опять же увидит ее, Серафима Ильинична старательно пряталась за спины покупателей, выбирая спины повыше и помассивнее. К счастью, муж торопился и по сторонам не смотрел. Он зашел в отдел художественной литературы и принялся ходить от одного стенда с книгами к другому. Серафима Ильинична следовала за ним, пользуясь для прикрытия теми же самыми стендами.

Возле одного из стендов ее муж застрял надолго. Серафима Ильинична прямо извелась от желания узнать, что он там выбирает. Насколько она помнила, муж всю жизнь читал лишь научные статьи своих коллег, а в студенческие годы – учебники, и ни от того, ни от другого рода чтения Валериан никакого удовольствия не получал. А тут он по доброй воле зашел в книжный магазин и уже столько времени кружит возле этих стендов.

Увы, с того расстояния, где пряталась Серафима Ильинична, она никак не могла разглядеть, что за книги помещены на стенде, заинтересовавшем ее мужа. Еще немного, и Серафима Ильинична решилась пойти ва-банк. Она схватила первую попавшуюся под руку книгу, проследив лишь за тем, чтобы ее обложка была побольше форматом, и направилась к мужу. Подойдя к тому же стенду, она встала в пол-оборота к мужу, прикрыв лицо книгой, и одним глазом скосила на обложку издания в руках мужа.

Лучше бы она этого не делала. В руках мужа была «Лолита». На Серафиму Ильиничну это произвело такое же впечатление, как если бы Валериан держал в руках саму героиню набокковского романа. Вдобавок под мышкой у мужа Серафима Ильинична углядела несколько брошюр, если судить по обложке, самого мерзкого содержания: на них наглые жирные индийские девки изгибались в развратных позах, соблазняя своих не менее крутобедрых кавалеров.

Серафима Ильинична издала полустон-полувздых. Валериан Владимирович удивленно поднял голову и огляделся по сторонам. Вспомнив, что она должна хранить конспирацию, Серафима Ильинична похолодела. Но муж лишь рассеянно посмотрел в ее сторону, мазнул взглядом по книге, где должно было быть лицо женщины, которая в нее уткнулась, и снова вперил взгляд в книжный стенд.

У выхода Серафиму Ильиничну, которая пыталась пройти через контроль вместе с облюбованной книгой, задержала охрана. Они давно подозрительно поглядывали на странную посетительницу, которая, прикрыв лицо ярко раскрашенной книжкой Шарля Перро «Кот в сапогах», уже несколько минут бесцельно бродила по залу. И теперь, когда эта посетительница бодрым шагом попыталась промаршировать мимо них, все так же не отрываясь от увлекшей ее книги, они буквально с радостью задержали ее.

Серафима Ильинична очень удивилась, почему это возле нее надсадно запищало какое-то устройство и почему двое молодых людей в строгих костюмах и с рациями в руках просят ее предъявить чек за книгу. Разборки с охраной, стояние в очереди, покупка книги и прочая ерунда отняли у Серафимы Ильиничны всего десять минут. Но за это время муж уже успел оплатить свою покупку в другой кассе и выйти из зала.

– Хорошо еще, что он меня не заметил, – пробормотала Серафима Ильинична, объясняя администратору, что просто зачиталась любимой с детства книгой и забыла оплатить покупку. – Понимаете, – вдохновенно придумывала на ходу Серафима Ильинична, которой казалось, что она очень ловка, – уже давно искала это издание. Никак не попадалось, а перечитать страшно хотелось, прямо ночами не спала, все о ней мечтала. Вот я и увлеклась. А вы ее читали?

Она так и не поняла, почему администратор, которая сначала твердила о штрафе и даже административном наказании, как-то странно после ее объяснения затрясла головой, приказывая охранникам проводить покупательницу до кассы и отпустить, больше не чиня препятствий, что те и сделали.

Счастливая Серафима Ильинична сунула попку в сумку и поспешила на улицу. К счастью, муж за это время не успел уйти далеко. Собственно говоря, он вообще никуда не ушел. Он сидел в кафе на противоположном берегу канала и изучал свои мерзкие книжонки.

– Мерзавец! – прошипела Серафима Ильинична, вспомнив, что последний раз муж выполнял свои супружеские обязанности... Нет, это было так давно, что даже не вспомнить.

– На рыбалку он, называется, собрался! – продолжала негодовать женщина. – Сидит тут в кафе и изучает теорию блуда.

Но главный удар еще подстергал Серафиму Ильиничну впереди. Неожиданно к ее мужу, который продолжал сидеть за столиком под навесом, подбежала девушка, которую Серафима Ильинична сначала приняла за официантку. И лишь после того, как «официантка» бросилась на шею к Валериану Владимировичу и расцеловала того в обе щеки, Серафима Ильинична все поняла: перед ней была ее соперница. Как и говорила сестра, молоденькая и смазливенькая. Впрочем, возраст с такого расстояния угадывался весьма приблизительно, но девушка была точно моложе Серафимы Ильиничны.

Значит, и остальное должно было сбыться по словам сестры. Сначала муж уйдет, оставив ее без копейки денег и, скорей всего, без основной части жилплощади. Потом она будет страдать, а он развлекаться с молодой женой на море. А еще развод! И размен! И... Боже мой! Сейчас Серафиме Ильиничне стало по-настоящему плохо.

Между тем муж и его молодая пассия быстро поднялись и направились к машине Валериана Владимировича. Серафима Ильинична решила выяснить все до конца и тоже бодро потрусила за ними следом, благо парочка особенно ни на кого внимания не обращала, поглощенная болтовней. Видя, как ее муженек, у которого для общения со своей законной женой не находилось времени, тут щебечет и заливается соловьем, а его смазливая спутница в ответ громко хохочет, Серафима Ильинична ощутила прилив бешеной злобы, и в ней вспыхнуло страстное желание отомстить.

От желания тут же вцепиться своей сопернице в волосы ее удержало лишь опасение выглядеть смешной, да еще в ней шевельнулся крохотный червячок надежды, что спутница ее мужа всего лишь какая-нибудь знакомая или сослуживица, случайно встретившая его у магазина. И сейчас он проводит ее до дома, до ее машины, до парикмахерской – куда угодно, но чтобы там они и распрощались.

Но увы. Этот мерзкий негодяй – ее муж – усадил наглую девку к себе в машину, да еще при этом поцеловал ей руки и заботливо поправил чехол у нее под головой. После этого он отправился в обход машины к своему шоферскому месту. Каким-то шестым чувством догадавшись, что сейчас они уедут, Серафима Ильинична начала лихорадочно крутить головой в поисках машины для преследования.

Машин вокруг было достаточно, но все они стояли без владельцев. И вдруг ей на глаза попала уже знакомая «пятерка», водитель которой лениво просматривал газету и явно ничем другим не был занят. Однако он вовсе не обрадовался Серафиме Ильиничне, когда она распахнула дверцу и уселась в салон.

– Опять вы! – возмутился он. – Что вам нужно? Что вы за мной бегаєте?

– Очень вы мне нужны! – фыркнула Серафима Ильинична. – Просто поблизости не было других свободных машин.

– Я занят, – нагло соврал шофер. – У меня тут дела. А ежели я вам не нужен, так и ступайте себе.

– Слушайте, я заплачу вам триста рублей, если вы немедленно поедете вон за той синей машиной, – умоляюще произнесла Серафима Ильинична. – Ну, пожалуйста.

То ли выражение ее лица смягчило сердце водителя, то ли прельстила названная сумма, но он вдруг отложил свою газету и, ворча что-то под нос, завел мотор.

– Я же вам говорил, что у меня дела, – продолжал он бубнить. – Я ждал одного нужного мне человека, а тут вы со своими проблемами. Я, можно сказать, из-за вас работу могу потерять.

– Не беспокойтесь, если потеряете, я вас найму личным шофером, – сказала Серафима Ильинична.

– Нельзя же так бесцеремонно дергать людей, – все не мог успокоиться шофер. – Вы же взрослая женщина, должны понимать. Кто там хоть в машине?

– Мой муж! – выдохнула Серафима Ильинична, сама не зная, зачем открывается этому хаму.

Хам присвистнул.

– Небось с любовницей?

От такой пронизательности Серафима Ильинична насторожилась.

– А вы откуда знаете? – спросила она. – Что, сами грешите?

– Я нет, – сказал шофер. – Ни разу, можно сказать.

– Врете, – убежденно сказала Серафима Ильинична. – Я теперь знаю, что все мужчины такие. Вот про своего хорошо думала, а он, видите...

– Но я-то не вру, – настаивал шофер. – Дело в том, что я просто никогда не был женат, поэтому изменять жене не мог... за неимением таковой.

Пока Серафима Ильинична раздумывала над этим признанием, прикидывая, может ли такое быть, ее шофер сказал:

– Давайте хоть представимся друг другу, раз я с этого момента вроде как работаю на вас. Меня зовут Всеволод. И говорите мне «ты», и я вам тоже.

– Что? – вернулась к действительности Серафима Ильинична. – А, так вы Сева?

Но продолжить беседу им не удалось, так как в этот момент темно-синяя «Ауди» предприняла попытку оторваться. То есть вряд ли Валериан заметил слежку, должно быть, просто хотел похвастаться перед своей подружкой мощным двигателем. Как бы то ни было, «Ауди» рванула вперед со скоростью, близкой к двумстам километрам. Раньше Серафима Ильинична не замечала за своим мужем склонности к лихачеству. Впрочем, со вздохом призналась она самой себе, она за ним раньше много чего не замечала.

– Вот зараза! – выругался Сева. – Куда же это он так рванул? Вот лихач, лихоманка его скрути. Разве на дорогах так можно?

Но, несмотря на свое возмущение, сам он лихачил еще круче. У Серафимы Ильиничны дух захватило, когда он стрелой пустил свою «пятерку» прямо под колеса фиолетовой «девятки», вырвавшейся откуда-то сбоку. Благополучно разминувшись с «девяткой», Сева обогнул на полной скорости еще несколько машин, чудом избежал столкновения со средних лет упитанным господином и сшиб рекламный стенд.

К тому моменту, как с Серафимы Ильиничны уже сошло семь потов от страха, Валериана сцапали работники патрульной службы, которые почему-то наплевали на выходки Севы и нацелились именно на «Ауди».

«Должно быть, решили, что с того можно взять покруче», – сказала самой себе Серафима Ильинична.

«Пятерка» скромно подождала, пока неверный муж разберется с патрульной службой, а потом вновь пристроилась за ним. Теперь «Ауди» ехала значительно тише и без выкрутасов. Направлялась она в сторону Обводного канала. Там возле дома старой застройки парочка и

вылезла из машины. Серафиме Ильиничне стало прямо плохо, когда она увидела, как девица обвилась вокруг ее мужа.

– Они неплохо смотрятся, – заметил Сева, который, что ни говори, был на редкость толстокожим типом.

– Ты! – прошипела Серафима Ильинична, не находя слов, чтобы высказать свое возмущение. – Ты думай, что говоришь, – наконец нашлась она.

– Ох, прости! – спохватился Сева, переходя на «ты». – Язык мой – враг мой.

– Заметно, – заявила Серафима Ильинична. – Мне необходимо выяснить, чем они будут заниматься.

– Это я могу сказать и так, – заявил Сева. – Совсем не обязательно убеждаться в этом своими глазами. Это больно.

– Откуда ты знаешь, если никогда не был женат?

– Потому и не был, – лаконично ответил Сева.

– Все равно мне необходимо своими глазами убедиться в его измене, – упрямо возразила Серафима Ильинична. – Иначе у меня останутся иллюзии.

– Тогда иди за ними и проследи, в какую квартиру они зашли, – сказал Сева.

– Я не могу, иди ты.

– Я?! – ужаснулся Сева. – Чтобы я оставил свою машину, можно сказать, свое единственное богатство на какую-то малознакомую мне женщину? Да мало ли что тебе в голову придет с ней сделать.

– Ты идиот, – запальчиво заявила Серафима Ильинична. – Ты что, думаешь, будто я все это затеяла, чтобы снять покрышки с твоей тачки?

– Покрышки у меня совсем новые, кстати говоря, – заметил Сева. – И потом, это твой муж, а я к тебе только в шоферы нанимался. Не хочу, чтобы он мне морду набил, приревновав к своей подружке.

– Чтобы Валериан набил кому-то морду? – поразилась Серафима Ильинична, но тут же прикусила язык.

Муж в последнее время явно отбил от рук, кто его знает, может, и до кулачной разборки докатился. Чтобы не терять времени на бесплодные пререкания с шофером, Серафима Ильинична вылезла из машины и поплелась в подъезд. Лифт в доме был, но не работал.

– Какое убожество! – пробормотала Серафима Ильинична, поднимаясь по заплыванной лестнице с разрисованными стенами.

Разумеется, нелепо думать, что здесь по стенам могла быть пущена высокохудожественная роспись, что волей художника по панелям катил волны могучий океан и цвели волшебные цветы. Если что и цвело, так это плесень. В доме было всего четыре этажа и чердак. Серафима Ильинична поднялась до конца и уперлась лбом в деревянную дверь с внушительным амбарным замком. Дверь вела на чердак. Дальше прохода не было.

– Куда же они делись? – в полном недоумении спросила у самой себя Серафима Ильинична.

Но в этот момент раздался шум заработавшего лифта, и на площадку четвертого этажа выскочила раскрасневшаяся парочка, продолжающая обмениваться поцелуями, на ходу раздеваясь. Серафима Ильинична в полном отчаянии смотрела, как девица в совершенном упоении от ее мужа никак не может попасть ключом в замочную скважину. Серафиму Ильиничну они не видели, так как она сидела пролетом выше, а смотреть вверх, да и вообще по сторонам у парочки не было ни желания, ни времени.

Наконец девица справилась с первым замком, на очереди был еще второй. В этот момент всякое благоразумие оставило Серафиму Ильиничну, она почувствовала, что если немедленно не разлучит сладкую парочку, то просто лопнет от злости. Она открыла рот и завопила. Но,

к ее удивлению, вместо протестующего вопля у нее изо рта вырвалось слабенькое шипение. Голосовые связки, впрочем, как ноги и руки, отказывались ей подчиняться.

Наконец проклятой девице удалось открыть дверь своего борделя, и она буквально вползла туда с Валерианом, повисшим на ней и мусолившим ей шею. Серафиму Ильиничну чуть не вырвало. В общем, состояние у нее было какое-то странное: с одной стороны, она была полностью обездвижена, а с другой – готова к немедленному открытию боевых действий против собственного мужа.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы ее энергичная половина одержала верх. Наверное, Валериан, возмущенный поведением своей супруги, наверняка не простил бы ей, что так скомпрометирован в глазах молодой подруги. Разрыв и развод в этом случае был бы неизбежен. Что бы потом ни говорила Серафима Ильинична, как бы ни умоляла, сколько бы ни плакала, ничего изменить было бы уже нельзя. Но господь был, как всегда, на стороне униженных и оскорбленных, и Серафима Ильинична так и не смогла сдвинуться с места.

Зато едва за парочкой захлопнулась дверь, как паралич мигом оставил Серафиму Ильиничну и она метнулась вниз по лестнице. Жадно прикинув к двери, она стала прислушиваться к звукам, долетающим из глубины квартиры. Прямо сказать, звуки не обнадеживали.

– Господи, что же это делается! Помешай этому как-нибудь! – возвала бедная женщина к небесам, и там ее мольба была услышана, впрочем, реакция высших сил приняла какие-то странные формы.

Внезапно раздался шум поднимающегося лифта, и из него вывалилось сразу несколько молодых и очень крепких ребят. Они подскочили прямо к дверям квартиры, где скрылся Валериан Владимирович со своей пассией.

– Вы кто? – удивилась Серафима Ильинична. – Что это?..

Но закончить фразу ей не довелось. Один из ребят оторвался от двери, которую они взламывали всей командой, и повернулся к Серафиме Ильиничне. В руках у него сверкнуло что-то блестящее. Проследить за полетом его руки Серафима Ильинична не успела, но мир вокруг нее внезапно взорвался, а потом быстро стал терять свои краски, и Серафима Ильинична после краткой эйфории полета провалилась в темноту.

Мариша загорала в парке возле дома. Она всегда старалась воспользоваться первым летним солнышком, чтобы приобрести ровный золотистый загар и сэкономить на солярии. К тому же Мариша в глубине души была уверена, что все эти разговоры о пятнах на солнце, озоновых дырах и повышенной солнечной радиации придумали владельцы соляриев в компании с производителями аппаратов для солярия, одновременно с чем эти же люди всячески затирали информацию о вреде самих соляриев.

Солнышко припекало уже довольно здорово, и даже небольшая сырость, шедшая снизу, Маришу не смущала. А чего смущаться, если парк был разбит на месте бывшего болота, которое кое-как осушили и засадили деревьями. Но парк все равно время от времени зарастал осокой. Но Мариша всегда себя утешала, что вместо болота вполне могло оказаться кладбище, и тогда было бы совсем уж невесело. А так, ну подумаешь, немного сыростью тянет.

Так она уговаривала себя уже третий час. Наконец она почувствовала, что подстилка вся насквозь пропиталась влагой и на ней нет буквально ни одного сухого островка, где можно бы было притулиться. Только после этого Мариша пошвыряла свои вещички в мешок, сложила подстилку и поспешила домой.

Дома было пусто и голодно. Дина укоризненно смотрела то на хозяйку, то на свою пустую миску. Мариша заглянула в шкаф, в трюмо, в холодильник и на всякий случай в шкафчик в ванной, но нигде не обнаружила ни крошки кошачьей еды. Может быть, где-нибудь в доме и завалилась банка-другая «Вискаса», но Мариша не помнила где, а искать дальше было лень.

– Ты на диете, – сообщила она Дине.

Дина фыркнула и подошла к двери, показывая, что раз хозяйка дура, так и разговора у них не получится.

– Ладно уж, – смиловилась Мариша, которой после нескольких часов на свежем воздухе тоже страшно хотелось есть. – Пойдем к маме, может быть, она нас покормит.

Дверь в квартиру мамы почему-то была открыта. Это Маришу насторожило. Она твердо помнила, что мама собиралась на выходные поехать за город, и раньше позднего воскресного вечера ее дома будет ждать нечего. Сейчас даже до раннего вечера было еще далеко. Мариша осторожно опустила кошку на пол, чтобы не рисковать жизнью невинного животного, и шагнула внутрь.

Внутри кто-то побывал. В этом не было ни малейшего сомнения. Маришина мама не отличалась особой любовью к порядку и чистоте, но такого безобразия у себя в квартире она бы никак не устроила. Тут явно орудовал человек посторонний. Мариша обошла всю квартиру и убедилась, что, кроме нее и Дины, сейчас тут никого нет, а тот, кто был, уже ушел.

Мебель в квартире была сдвинута с мест, ящики столов и шкафов чуть выдвинуты, а в ванной комнате и туалете горел свет. Ну и, конечно, дверь – мама, несмотря на свои странности, или даже благодаря им, не ушла бы, оставив квартиру открытой. Как бы она ни торопилась, она всегда несколько раз проверяла, на все ли замки закрыта дверь, и только после этого уходила.

– Тут побывали воры, – заметила Мариша.

Дина уже перебралась через порог и теперь многозначительно уставилась на дверцу холодильника. Мариша послушно открыла ее и достала из морозильника упаковку мясного фарша. В это время в прихожей раздался шорох. Мариша вздрогнула и крепче сжала фарш в руках. В морозилке он так основательно смерзся, что теперь вполне годился в качестве метательного оружия. Мариша осторожно выглянула за угол и буквально нос к носу столкнулась со своей мамой.

– Боже мой, – воскликнула Тамара Ильинична, – как ты меня напугала! Ты поесть решила приготовить к моему приезду? Вот молодец, а то я зашла и думаю: а в чем дело, кто это тут побывал? Неужели, Серафима, думаю, ушла от своего.

– Нет, тетки тут не было, – растерялась Мариша. – А почему ты вдруг про нее вспомнила? С чего бы это ей от Валериана уходить?

– О, так ты ничего не знаешь! – обрадовалась Тамара Ильинична. – Я тебе сейчас все расскажу. Твоя тетка застучала своего Вальку на измене.

– Да ты что! – ахнула Мариша. – Она же души в нем не чаяла. Не может быть.

– Вот тебе и не может быть, – с торжеством заявила Тамара Ильинична. – Правда, точно еще ничего не известно. Так ее тут не было?

– Нет, – покачала головой Мариша.

– А что ты искала?

– Фарш, – машинально ответила Мариша.

– В комнате, в шкафах? – удивилась Тамара Ильинична.

– При чем тут шкафы? – тоже удивилась Мариша. – Я его в холодильнике взяла.

– А кто же это натворил? – спросила Тамара Ильинична, поводя вокруг рукой и указывая на разгром.

– Не знаю.

– Хорошенькое дело! – возмутилась Тамара Ильинична. – Кто-то шарил в квартире. Наверное, что-то пропало.

– Я тоже так подумала, – с готовностью подхватила Мариша. – Не могли же они просто так, ради собственного удовольствия шарить у тебя по шкафам.

Мать и дочь дружно принялись осматривать квартиру на предмет установления ущерба. Через полчаса они снова сошлись в центре квартиры.

– Ничего не пропало, – несколько растерянно заметила Тамара Ильинична. – Побрезговали, должно быть.

Чувствовалось, что она всерьез обиделась на неведомых взломщиков, которые ничего не взяли за свои труды.

– Минуточку! – воскликнула Мариша. – А дверь ведь совсем цела! Значит, тут побывал кто-то знакомый. У меня вот был случай...

Но Марише не удалось в очередной раз рассказать маме про то, как у нее в квартире плодились покойники, а все из-за того, что она была невнимательна со своими ключами.

– Ключи от квартиры есть только у двух человек, – решительно прервала ее Тамара Ильинична. – У тебя и у Симы. Больше ни у кого. Если ты ничего не трогала, значит, остается Сима. Интересно, что она тут искала?

– Спроси у нее у самой, – сказала Мариша. – Небось веревку искала и мыло, чтобы удавиться. Как же, Валериан завел любовницу! Да это был просто вопрос времени. Стоило вспомнить, как они жили. Она же просто из кожи вон лезла, чтобы сделать его жизнь по возможности более сладкой. Она и карьеры толком не сделала, потому что сначала Валериан учился на дневном, а ей пришлось перевестись на вечерний и устроиться на работу. Потом он писал диссертацию, а она обеспечивала материальную базу. Потом он искал себя, переходя из одной фирмы в другую, все на руководящие посты, а денег не нес, зато тетка снова вкалывала за двоих. Она ведь жить нормально начала всего как пару лет назад. Должно быть, стал зарабатывать столько, что уже совесть не позволяла совсем жене ничего не давать. Но я сразу подумала: это ее счастье ненадолго.

– Почему ты такая злая? – удивилась мать. – Что тебе Валериан сделал?

– Ничего он мне не сделал, просто я не люблю таких мужиков, – буркнула Мариша. – Верней, на них мне плевать, но если они заставляют страдать мою тетку, то пусть поберегутся.

– Ладно, – примирительно заметила Тамара Ильинична. – Возможно, все еще утрясется. Сима звонила мне в несколько взвинченном состоянии, а за два дня все у них могло уладиться. Сейчас позвоню и выясню.

Но, вопреки ожиданиям Тамары Ильиничны, телефон на квартире у ее сестры не отвечал.

– Где же она? – встревожилась Тамара Ильинична.

– За своим красавцем следит, – мрачно откликнулась из кухни Мариша, которая тщетно пыталась расколошматить кусок фарша для Дины.

Немного погодя на пороге кухни появилась Тамара Ильинична.

– Что-то у меня сердце не на месте, – сказала она. – Как бы чего с Симой не случилось.

– Что? – спросила Мариша. – Меня вон сто раз бросали, и ничего, как видишь.

– Так это ты, – вздохнула мать. – У тебя же вместо сердца кремень.

– У меня? – задохнулась от возмущения Мариша. – Ничего подобного. Просто я умею объективно оценивать людей. Если вижу, что передо мной дурак или подонок, то даже часа на него не трачу, не говоря уж о всей своей жизни. Так что тетка сама виновата. Сразу же было видно, что Валериан ее использует.

– Ничего не было видно, много ты понимаешь, – накинулась на нее мать. – Тебя еще на свете не было. Знаешь, как красиво он за ней ухаживал! Цветы, шампанское, подарки. Очень дорогие иногда, между прочим. Это потом уж Сима его разбаловала и стала во всем ему угождать. Но ведь и он не сразу же завел себе любовницу, как только у него завелись деньги.

– Ха-ха! – мрачно рассмеялась Мариша. – Просто наша доверчивая тетка Сима только про эту впервые узнала. Лучше бы это случилось, когда она твердо стояла на ногах и могла сама о себе позаботиться. А что теперь с ней будет, я просто не представляю.

– Молчи уж, – замахала на нее руками мать. – Пойду звонить.

Они звонили Серафиме Ильиничне весь день и весь вечер, не переставая. И только к полуночи Мариша заявила, что нужно смириться с неизбежным и начать попутно обзванивать больницы и морги.

– Тетка никогда не возвращалась домой поздней половины двенадцатого, – твердо сказала Мариша. – Если ее до сих пор нет, значит, с ней случилась беда. У тебя есть телефон кого-нибудь из ее соседей?

– Нет, – покачала головой Тамара Ильинична.

– Тогда придется ехать к ней самим, – сказала Мариша. – Может быть, она лежит дома и...

– Конечно, поедem! – немедленно отозвалась Тамара Ильинична.

Они выскочили из дома, впопыхах забыв забрать с собой Дину, и помчались к Маришиному «Опелю», который с некоторых пор стоял на охраняемой стоянке неподалеку от ее дома. К Серафиме Ильиничне встревоженные родственницы добрались только к часу ночи. При виде пустой и темной квартиры они испытали двойственное чувство. С одной стороны, они были рады, что не обнаружили трупа Серафимы, но с другой – они так и не узнали, где она и что с ней.

– Как-то тут грязно, – укоризненно заметила Тамара Ильинична. – Конечно, я понимаю, Сима собиралась впопыхах, ей было не до уборки, но, честное слово, не нужно было все так расшвыривать.

– Очень похоже на то, что мы увидели у тебя дома, – заметила Мариша. – Тебе не кажется такое совпадение странным? И еще вот тетка пропала...

Ночь Мариша с матерью провели в квартире супругов Кругловых и к утру окончательно убедились, что дело плохо, раз ни Валериан, которому нужно было бы сейчас собираться на работу, ни Серафима дома так и не появились.

– Нужно звонить по больницам, – сказала Мариша, открывая справочник, и, чтобы слова не расходились с делом, тут же набрала первый номер.

Через два часа ей удалось обзвонить примерно половину больниц, а в другой половине либо никто не брал трубку, либо было занято. Тем временем Тамара Ильинична в отчаянии бродила по квартире и ругалась на Маришу, что она только зря занимает телефон, по которому, может, в этот момент дозванивается Валериан или Фима. И вообще у нее собаки и прочая живность оставлена на соседей, которым она клятвенно пообещала, что заберет своих питомцев не поздней воскресного вечера, а сейчас уже утро понедельника, так что ее, должно быть, уже тоже ищут.

– Чего бы это тетке Фиме к себе домой звонить? – удивилась Мариша.

– Но мы же не знаем, что у них тут случилось, – резонно заметила Тамара Ильинична. – Может быть, они долго выясняли отношения, разругались, и Фима ушла из дому. Сначала пошла ко мне, а потом направилась еще куда-то. И сейчас звонит в надежде на примирение, а телефон все время занят.

– Ладно, наберу последний номер, и все, – согласилась Мариша.

На том конце линии ответил хриплый женский голос, который произнес нечто неразборчивое.

– Скажите, к вам не попадала женщина лет сорока, смуглая, с...

– Имя! – рявкнули в трубку.

– Серафима Ильинична Круглова.

– А! – обрадовался голос. – Наконец-то родственнички объявились. Я вам всю прошлую ночь названивала. Где вы ходите, хотела бы я знать? У нас ваша Серафима. С сотрясением мозга попала. Без сознания, так ничего нам про себя и не рассказала. Хорошо еще, что документы при ней были.

– Так как же вы тогда узнали, по какому телефону нам звонить? – насторожилась Мариша.

– А она на несколько минут пришла в себя, продиктовала чей-то телефон, вроде бы сестры, и снова забылась. Так вы приедете?

– Конечно! – закричала Мариша. – Диктуйте адрес.

Больница была за тридевять земель, на проспекте Ветеранов. Чтобы туда добраться, Марише и ее маме понадобилось без малого час, за который они сто раз мысленно успели похоронить сестру и тетку.

– Что же ты про Валериана не спросила, – укоряла Маришу Тамара Ильинична. – Вдруг он тоже там лежит?

– Ну и пусть лежит, он нам больше не родня.

Наконец они добрались до больницы, поднялись по наклонному заасфальтированному подъему наверх ко входу и ворвались в просторный прохладный холл. Тамара Ильинична первой успела к справочному окошку, пока Мариша еще должна была запереть машину.

– Она в травматологии! – крикнула Тамара Ильинична дочери через весь холл, увидев, что та входит в стеклянные двери.

Больные, которые неспешно прогуливались по холлу и рассматривали витрины многочисленных ларьков, испуганно встрепенулись. Но двум родственницам пострадавшей было не до них. Они мчались к лифту. Выпихнув оттуда какого-то инвалида на коляске, они нажали кнопку нужного этажа и выжидательно уставились друг на друга.

– У нее состояние средней тяжести, – наконец сказала Тамара Ильинична.

Наконец лифт остановился, и женщины заметались от одной двери к другой, так как Тамара Ильинична забыла номер палаты – то ли пять, то ли пятнадцать, то ли двадцать пять. Пятнадцатая палата пустовала, двадцать пятой не было вовсе, оставалась только пятая. Там лежала только одна больная, и в обмотанном бинтами существе они узнали Серафиму Ильиничну.

– Точно, это она, – сказала Тамара Ильинична. – Палата номер пять, я теперь вспомнила. Боже мой, что же это с ней? Она попала под машину?

И действительно, тело, распростертое перед ними на кровати, было на две трети замотано бинтами.

– Какой ужас! – прошептала Тамара Ильинична. – Ей не выкарабкаться.

В это время в палату вошел невысокий, средних лет мужчина с жидкими черными усиками и уютной лысинкой. В руках он держал букет цветов. Удивленно покосившись на Маришу и Тамару Ильиничну, он поставил цветы на тумбочку у кровати больной. Женщины посмотрели на него не менее удивленно. Этот мужчина был им явно незнаком.

– Позвольте, – обратился к ним мужчина. – Вы знакомые Киры?

– Что, простите? – переспросила Мариша, никакой Киры среди ее знакомых не было уже больше двадцати лет.

– Ну, вы сидите возле моей жены и плачете, я и подумал...

– Вашей жены?! – в ужасе воскликнула Мариша.

Ужаснулась она тому, что если Валериан был дрянь, то по крайней мере с ним было не стыдно показаться в обществе. А новое приобретение тетки даже для этого не годилось.

«Нельзя же в самом деле кидаться на первого встречного, даже если поссорилась с мужем и тебе грозит развод», – брезгливо сморщась, думала Мариша.

– А когда вы успели пожениться? – спросила Тамара Ильинична.

– Вообще-то мы не успели, – засмутился мужчина. – Но заявление уже подали.

– Заявление! – ахнула Мариша, представив, скольких трудов ей будет стоить прятать этого женишка, пока у тетки не пройдет приступ умопомрачения на почве развода и она не поймет, что этот хлюпик с усиками ей явно не пара.

– Да, – залившись румянцем смущения, сказал мужчина.

В этот момент из-под бинтов раздался приглушенный стон.

– Кирочка, что с тобой? – бросился к ней жених.

Мариша с мамой распахнули рты, ничего не понимая, но в этот момент открылась дверь в туалетную комнату, и оттуда появилась Серафима Ильинична с обмотанной бинтами головой. Да, это была их сестра и тетка, на сей раз ошибки быть не могло.

– Здорово вы тут напутали, – хихикнула Серафима Ильинична. – Я минут двадцать слушала под дверью, как вы рыдаете над совершенно чужой женщиной. Ну, и идиотки же вы. Как вы могли нас спутать, она же раза в три больше меня.

– Тетя, – строго уставилась на нее Мариша, – тебе что, можно ходить?

– Какая разница! – махнула рукой Серафима Ильинична, добираясь с помощью сестры до кровати. – Не писать же мне в судно. Терпеть не могу болеть, больниц и всего, что с этим связано. Просто не понимаю, как меня угораздило тут оказаться.

– Ты и в самом деле ничего не помнишь? – спросила Мариша.

– Кое-что помню. Например, у Валериана любовница – это я точно помню. Мы следили за ними и оказались у Обводного канала.

– Минуточку, – перебила ее Мариша. – С кем это вы следили?

– С Севой, – уверенно ответила тетка. – У него была еще такая старая разбитая «пятерка». Но как он на ней гонял, петлял, словно заяц.

– Очень хорошо, а откуда этот Сева взялся? – спросила Мариша.

– Я его наняла личным шофером, – сказала Серафима Ильинична. – Он согласился помочь мне проследить за Валерианом. Мы подъехали к тому дому на набережной Обводного канала, где все и случилось. Я вышла из машины и пошла следом за мужем. А потом из лифта выскочили какие-то ребята и стали ломать дверь в квартиру любовницы Валериана и... и дальше я ничего не помню. Должно быть, меня стукнули чем-то тяжелым по голове, потому что я начала выступать и добиваться от парней, чтобы они мне сказали, что это все значит.

– А что этот Сева, куда он делся?

– Не знаю, – пожала плечами Серафима Ильинична. – Больше я его не видела.

– Очень странно, – покачала головой Мариша. – Но кто-то ведь должен был тебя привезти в больницу. Вряд ли те ребята, которые дали тебе по башке, вдруг воспылали к тебе добросердечием.

– Не выражайся, – машинально поправила ее Тамара Ильинична. – Сима, а ты не помнишь, удалось ли хулиганам сломать дверь или нет?

– Судя по тому, как она скрипела, вряд ли у них на это ушло много времени, – сказала Серафима Ильинична. – И к тому же мне показалось, что там только один замок закрыт. А в чем дело?

– Видишь ли, не знаю, стоит ли тебе об этом говорить, но твоего мужа еще час назад не было дома. И я подумала: раз он и вещи свои не забрал, и от него самого нет ни слуху ни духу, то не случилось ли с ним чего.

– Да он на работе, – спокойно заметила Серафима Ильинична. – Сегодня ведь уже понедельник. А Валериан трудоголик. Если я не прослежу, он спросонья может и воскресным утром начать собираться на работу. А один раз летом, еще белые ночи были и солнце до позднего вечера светило, так и вовсе, смешно сказать, вернулся домой пораньше, прилег поспать, а часов в семь вечера вижу, снова одевается, бреется, берет портфель и прощается со мной, говорит, мол, пошел на работу, не нужно ли чего купить на обратном пути. Уверена, что он на работе. Хоть любовница, хоть развод или землетрясение – к десяти он всегда на своем месте и решает проблемы.

– Не хочу тебя расстраивать, но его там нет, – сказала Мариша. – Мы ночевали у вас дома, думали, что вы вот-вот объявитесь. Так перед выходом Валериану звонили с работы и

спрашивали, что с ним случилось. Не заболел ли? У него там сегодня какие-то важные люди приезжают, их нужно встречать, а его нет.

Серафима Ильинична схватилась за сердце и села на постели.

– Тогда с ним точно беда, – сказала она. – Боже мой, во что он влип! Помогите мне!

Эти слова уже относились к Марише и ее матери.

– Как? – удивилась Тамара Ильинична. – И что ты психуешь, твой Валериан давно уже не ребенок. Он отлично может постоять за себя сам.

– Ты не представляешь, как он наивен, – прорыдала Серафима Ильинична. – Я прямо сердцем чую, что с ним случилось несчастье. Я должна разыскать его и спасти.

И она сделала попытку встать с кровати.

– Лежи, – остановила ее сестра. – Ты уже один раз пыталась его спасти, вот и лежишь тут с проломленной головой. Еще не хватало, чтобы ты бродила по городу с черепно-мозговой и пугала обывателей своим видом. Ты себя хоть в зеркало видела?

– Нет, у нас в ванной нет зеркала, а все мои вещи, в том числе и зеркало, остались в приемном покое.

– Вот и отлично, потому что выглядишь ты словно зеленая гусеница, готовящаяся к окукливанию, – покивала головой Тамара Ильинична.

– Мне все равно, как я выгляжу, – сердито буркнула сестра. – Я должна спасти своего Валериана, и я его спасу. А потом могу с чистой совестью лечь и умереть, а он пусть отправляется к своей соплячке-любовнице.

– Тетя, – проникновенным голосом сказала Мариша, – тебе нельзя сейчас никого идти спасать. Тебя саму спасти нужно. Врачи говорят, что у тебя нехорошие симптомы, что с твоей травмой нужен строжайший покой. Ты уж лежи, пожалуйста, я сама все разузнаю, а потом вернусь и доложу.

С этими словами она выскользнула из палаты, не слушая протестующих воплей своей тетки, которая, однако, попыток встать с кровати больше не предпринимала, доверившись племяннице.

Расследование Мариша начала прямо с больницы, с приемного покоя. Там дежурила злобная старая карга, которая немедленно наорала на Маришу, мол, таскаются тут посторонние без сменной обуви.

– Мне нужны вещи, которые были на моей тете, когда ее вчера вечером привезли к вам в больницу, – сказала Мариша. – Где они могут быть?

– Кто ее привез! – гаркнула бабка.

– Это второй вопрос, который я бы хотела у вас выяснить, – невозмутимо ответила Мариша.

– Как фамилия? – смирилась бабка.

– Круглова.

– Помню, – сказала бабка, захлопывая журнал. – Только ее не на «Скорой» привезли, так что если что-то пропало, то наши тут ни при чем. А все ценности я у нее по описи приняла, и дежурный врач расписалась.

– Минуточку, так что же, она сама к вам пешком дошла? – спросила Мариша. – От Обводного канала шлепала с проломленным черепом?

– Уж я не знаю, откуда она шла и где ей по голове досталось, только мы ее на ступенях нашли. Но череп у нее цел, просто сотрясение.

– Как на ступенях? – удивилась Мариша.

– А так, я сидела с Галиной Антоновной – это наша врач, и вдруг мы с ней слышим гудок машины. Один раз, и еще раз, и еще. Видим, что хулиган не успокаивается, и пошли порядок наводить. А что делать, так бы он нам всех больных перебудил. Хотя, честно говоря, на ночь

почти все по домам разбредаются. Но все равно непорядок, если под окнами гудят. Выходим, а перед дверью она, любезная, уже лежит.

– А машина, которая гудела?

– Машины уже не было, – сказала бабка. – Скрылась. Мы подумали, что, должно быть, водитель ее сбил, но до больницы все-таки довез, не бросил.

– Неужели вы совсем ничего не видели? – расстроилась Мариша.

– Ты спроси у Галины Антоновны, – посоветовала ей бабка. – Может, она чего видела, а я больше на пострадавшую смотрела.

– А где мне ее найти?

– У себя в кабинете, – сказала бабка, и на этом разговор с ней закончился.

Бабка занялась какими-то бумажками, а Мариша отправилась искать некую Галину Антоновну. Та нашлась вовсе не у себя в кабинете, а в коридоре, и то по чистой случайности, так как уже уходила домой. На нее Марише указал молоденький доктор в зеленом халате. Совершенно непонятно, зачем белые халаты сменились на зеленые. Должно быть, с первыми было связано слишком много страшилок, а про зеленые еще толком ничего не успели придумать.

Такие мысли крутились у Мариши в голове, пока она приближалась к Галине Антоновне. Определенно, это внешний вид докторши вызвал у Мариши такие неприятные ассоциации. Галина Антоновна словно бы вобрала в себя все негативное, что принято говорить о врачах. Возможно, конечно, что у бедняжки просто было такое лицо, но Мариша искренне порадовалась, что тетка была без сознания, когда Галина Антоновна занималась ею, а то ведь недолго и со страху помереть.

Ростом и габаритами Галина Антоновна больше всего смахивала на слона. Не слишком большого, но и не совсем уж слоненка. Это сходство подчеркивал объемистый плащ, в который она закутала свое тело, и огромная шляпа со свисающими, словно уши, полями. В руках Галина Антоновна держала сумку и при ходьбе размахивала ею в такт шагам.

– Вам чего? – весьма нелюбезно осведомилась врач, обнаружив, что ей не удастся стряхнуть с рукава повисшую на нем Маришу.

– Я насчет Кругловой, – пробормотала Мариша.

– Кругловы, Треугольниковы, Прямоугольниковы, – раздраженно бросила Галина Антоновна. – Вы думаете, я всех в голове держу? Кто хоть она? Что у нее там? Вы поймите, я сутки на ногах, у меня перед глазами все плывет. Вот и вашего лица я толком не вижу, одно цветное пятно.

– Та Круглова, которая с сотрясением, которую вы на ступенях нашли, – сказала Мариша и для верности добавила: – Вчера вечером.

– А! – мигом вспомнила доктор. – Так вы из милиции?

– Я бы хотела уточнить, не видели ли вы машину, которая ее доставила, – проигнорировала вопрос собеседницы Мариша.

– С Анной Сергеевной уже успели побеседовать, – заключила Галина Антоновна. – Тогда мне нечего вам сказать. Она первая выскочила из больницы, она у нас боевая.

– Боевая, но на зрение жалуется, – сказала Мариша. – Может быть, вы видели? Понятно, что номер вы не разглядели, но хотя бы цвет или марку?

– В машинах я не разбираюсь, а видела красную машину, которая выезжала из ворот. Только поймите, не могу я ручаться, что это была именно та самая машина.

– У вас тут на территории больницы к вечеру оживленное движение? – спросила Мариша.

– С какой стати! – возмутилась Галина Антоновна. – Только машины врачей и кареты «Скорой помощи».

– Тогда попрошу я вас пройти со мной к выходу, вы ведь все равно собирались уходить, и попросить вахтера, чтобы он постарался вспомнить, что за красная машина тут сигналила.

– Ладно, – вдруг сразу согласилась Галина Антоновна, которая оказалась не таким крокодиллом, как казалось по первому впечатлению. – Только хочу вас сразу же предупредить, что сторож у нас пьяница. Так что толку от него вы вряд ли добьетесь.

– А зачем же вы его держите?

– А кто вам за такие гроши работать станет? – пожала плечами врач. – А этот хоть видимость порядка создает. И потом, иногда он все-таки бывает трезв. Пойдемте, вдруг вам повезет.

Но Марише не повезло, это стало ясно сразу же, как только Михалыч вышел из своей сторожки. От него за версту разило перегаром, к вечернему он, видать, с самого утра свежака добавил. На старые дрожжи хватило даже капельки, и теперь Михалыч никак не мог сообразить, что от него хотят.

– Кр-кр-красная машина была, – наконец выговорил он, уяснив суть дела. – Такой симпатичный еще водила.

– А машина какая? – допытывалась у него Галина Антоновна. – Номер записал?

– Хорошего человека машина, – продолжал твердить свое старик, пьяно покачиваясь на летнем ветерке. – Хорошего человека видать по полету. Он мне, можно сказать, после вчерашнего друг.

– Ты откуда водку взял? – строго спросила у него Галина Антоновна.

– Нигде, – глупо ухмыльнулся Михалыч. – Вот вам крест, Галина Антоновна, не покупал я ее.

– Значит, хороший человек принес? – спросила Мариша.

– Во! – обрадовался Михалыч. – Молодец, девка! Соображает. А ты, Галина Антоновна, хоть женщина и авторитетная, но никак не можешь понять, что русскому человеку без друга, то есть одному, выпивать никак нельзя. Никакой душевности не получится.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что красная машина проехала мимо Михалыча в первый раз совершенным нахапом. Михалыч не успел остановить ее и остался караулить, чтобы высказать нарушителю все прямо в лицо. Но тот опередил его, выскочил из машины, оставив ее за оградой, а в руках у него – бутылка.

– Подумал я, что человек он неплохой, а как послушал его, так понял, что не ошибся, – рассказывал Михалыч. – Прости меня, дед, говорил человек, что не остановился, но женщина у меня в машине была, сильно плохая. Даже и не знаю, выживет ли. Давай за ее здоровье выпьем и за врачей, что ее латать будут.

– И выпили? – строго спросила Галина Антоновна.

– Так и за вас же пили! – воскликнул Михалыч. – Да рази ж я стал бы, кабы за какого другого доктора. Я же знал, что вы ночью дежурить будете. Я так сразу Севке и сказал, мол, не бойсь за свою знакомую, выживет. Сегодня такой врач дежурит – фея, а не врач.

– Так его Севой звали? – уточнила Мариша.

– Ага, – очень довольный таким вниманием слушателей, кивнул Михалыч.

Но дальше ему пришлось беседовать с самим собой, потому что Мариша уже узнала все, что собиралась узнать.

– Ясно, что тетку до больницы довез ее новый странный знакомый, – бормотала себе под нос Мариша, возвращаясь в палату с докладом. – Не пойму только, зачем ему понадобилось тащить мою тетку с Обводного канала сюда, в Кировский район. По пути ему должно было попасться с десяток больниц. Почему сюда? И куда он делся потом? Может быть, он что-то видел? Например, куда brave ребята, стукнувшие мою тетю по голове, потащили ее мужа и его любовницу? Надо бы его расспросить.

Тетя лежала в кровати, внимая сестре, которая не уставала повторять, что все будет просто отлично, гораздо лучше, чем было до сих пор. По лицу Серафимы Ильиничны было видно, что она ни на грош своей сестре не верит.

– Ну что? – спросила она у Мариши. – Нашла Валериана?

От такой наглости у Мариши просто челюсть отвисла.

– Где я могла так сразу его найти? Здесь – в больнице? – возмутилась она.

– Но если меня сюда привезли, то могли же привезти в больницу и его, – резонно ответила тетя.

– На ступенях ты лежала одна, – разбила ее надежды Мариша. – А привез тебя сюда твой подозрительный шофер Сева. Так что у него надо спрашивать. Если он притащил тебя в больницу, то наверняка может рассказать, что происходило в доме на Обводном после того, как тебя вырубил. Как нам его найти?

– Не знаю, – растерялась Серафима Ильинична. – Я не спросила у него паспорта.

– Как же так, – укорила ее Мариша. – Берешь человека на работу, а сама даже паспорта не проверила. А вдруг он какой-нибудь псих или уголовник?

– Ну, это она по паспорту бы не выяснила, – заступилась за сестру Тамара Ильинична. – Это только при личном знакомстве рассмотришь.

– Но хоть что-то ты про него знаешь? – в отчаянии спросила Мариша у тетки.

– Машина у него красная, по-моему, «пятерка», – напрягшись, выдала тетя.

– А отличительные приметы есть?

– У кого? У него или у нее?

– У обоих, – разозлилась Мариша. – Все что угодно. Думаешь, в городе всего одна старая красная «пятерка»?

– У него было очень приятное лицо, и вообще он ничего, если бы все время не ворчал, то был бы просто отличной кандидатурой тебе в мужья. Как раз твоего возраста.

– Спасибо, – с горечью сказала Мариша. – Только безработного, который пьет со сто-рожами по ночам, мне и не хватало. Ладно, но хоть адрес дома на Обводном канале, где ты последний раз видела своего мужа, ты помнишь?

Это тетка, как ни странно, помнила и охотно сообщила племяннице.

– Тогда я сейчас еду туда, а как только что-то узнаю, сразу сообщу, – сказала Мариша. – Либо сама приеду, либо оставлю сообщение тебе на твоём домашнем автоответчике, а ты потом позвонишь из больницы, и телефон тебе все передаст.

– Ладно, – кивнула Серафима Ильинична. – Мариша, ты постарайся, чтобы Валериан оказался жив. Мне без него не жить. – И тетя залилась слезами.

Чтобы не видеть душераздирающей картины, Мариша выскочила из палаты пулей. Добежав до телефона-автомата, она притормозила, ей пришла в голову мысль: а вдруг Валериан тоже звонил домой и оставил сообщение на автоответчике. Тогда и искать больше никого не нужно.

Покопавшись в памяти, Мариша вспомнила код, который следовало набрать, чтобы автоответчик воспроизвел сообщение позвонившему. Мариша сняла трубку больничного телефона-автомата. И тут же поняла, что он не работает. В растерянности Мариша посмотрела по сторонам. И тут же последовала подсказка:

– Девушка, – услышала Мариша мужской голос у себя над ухом, – идите к сестре. Суньте ей денежку, и она разрешит вам позвонить с ее телефона.

Второй мужчина в больничном халате, заговорщически подмигивая, указывал тонкой рукой на кабинет, куда Марише следовало постучаться. Поблагодарив их, Мариша робко открыла дверь кабинета, но он оказался пуст. Тем лучше, подумала Мариша и бросилась к вожденному аппарату.

– Вы позвонили по номеру... – сообщил ей голос тетки.

– Не то, – буркнула Мариша. И повесила трубку.

Не то... Со второй попытки ей удалось ввести код, и она услышала недовольный мужской голос, который требовал от Валериана немедленно перестать валять дурака и взять трубку.

«Это я, Мишка, – говорил голос, – у нас тут третий час фирмачи из Хельсинки тебя дожидаются. Ты что, совсем сдурел, ты же сам их пригласил! – возмущался неизвестный Миша. – Ты же знаешь, что нам кровь из носу нужно заполучить этот контракт. А они желают иметь дело только с тобой. К тебе привыкли, тебе доверяют. Послушай, даже если ты совершенно болен, вызови такси и приезжай. Пойми, эти чудачки решили, что мы задумали какую-то низость, а ты не желаешь в ней участвовать. Лично я понял их так. Валериан, ты меня слышишь? Немедленно приезжай!»

– Все ясно, Валериана дома нет, – сказала самой себе Мариша. – Иначе не стал бы так долго мучить своего коллегу молчанием. Значит, с ним что-то и в самом деле случилось.

Вообще-то Мариша была не слишком высокого мнения о мужской половине человечества, их уме и чувстве долга – очень легко они теряют то и другое при виде какой-нибудь соблазнительной птички. Невольно на ум приходила аналогия с повадками братьев наших меньших. Мариша, выгуливая маминых любимцев, немало натерпелась от собачьих свадеб, когда дрессированная овчарка Аркан теряла всякую выдержку и мчалась следом за какой-нибудь безродной дворняжкой, совершенно позабыв о своих предках и тонне медалей с различных выставок. Так что Мариша считала, что Валериан вполне мог податься куда-нибудь на денек-другой со своей девицей, послав к черту все важные совещания. Только вот в его кобеляж не вписывались боевые бритоголовые молодцы, которые ломались в квартиру на Обводном.

– Придется туда ехать, – пробормотала Мариша.

Нужный дом на набережной Обводного канала Мариша нашла быстро. Адрес тетка запомнила четко. Дверь в парадное тоже совпадала с описанием тетки, хотя она была обшарпана ничуть не меньше, чем соседние двери. Но ее заметно отличало изображение пестрой буквы «икс», выполненное сразу пятью красками с помощью пульверизатора. Полюбовавшись произведением настенного, а точнее надверного, искусства, Мариша вошла в подъезд.

Кроме перечисленных примет, во дворе стояла еще дынина темно-синяя «Ауди», которую никто так и не потрудился угнать. Поднявшись на лифте наверх, Мариша с трудом вылезла из узкой кабинки, явно рассчитанной на дистрофика, – и обомлела. Прямо перед ней находилась нужная ей дверь. Но ее состояние! Даже не поцарапанная, а вся искромсанная и посеченная, вокруг валялись щепки.

Тем не менее дверь эта была заперта, в этом Мариша убедилась, потолкав ее немного ногой. Впрочем, Мариша и не собиралась входить внутрь. Она и без того знала, что в квартире уже никого нет, а стало быть, нужно прямиком идти к соседям и постараться вызвать их на откровенный разговор. Хорошо бы найти какую-нибудь пенсионерку. Именно пенсионерку, а не пенсионера. Мужчины начнут тянуть и прикидывать, что можно сказать, а о чем можно умолчать, а женщины все выбалтывают сразу, украшая свой рассказ подробностями – к делу и без дела.

Марише повезло, по лестнице как раз поднималась пожилая тетка. В руках у нее была лишь одна полупустая сумка, поэтому Мариша спокойно завела с ней разговор.

– Вы не знаете, что тут случилось? – спросила она, кивая на дверь опечатанной квартиры.

– А вы кто? – тут же включилась старуха. – Вы кем Ленке приходитеесь?

– Я ее сестра, из Рязани, – соврала Мариша. – Она меня давно в гости звала. Но жить мне у нее как-то не хотелось, вечно какие-то звонки, движение. А тут мне как раз туристическую путевку на работе дали. Вчера у меня весь день по экскурсиям был расписан, а сегодня дай, думаю, зайду к сестре. А тут и нет ее. Я еще с утра звонила, но никто трубку не снял. Думала, что просто телефон отключен.

– Ой, милая! – жалостливо простонала старуха. – Что бы тебе вчера да с утра пораньше в гости-то приехать. Глядишь, еще и застала бы сестру живой-то.

– Господи! – вполне натурально побледнела Мариша. – Ее что, убили?

И она начала тихо сползать по стене.

– Да ты зайди ко мне, посиди, – сказала бабка, которой явно не терпелось выложить все заинтересованному слушателю. – На тебе, милая, лица нет.

Мариша и в самом деле перепугалась, но не из-за судьбы неизвестной ей Лены, а из-за Валериана. А что, если и его прикончили? Тогда тетка вообще с ума сойдет. Одно дело просто потерять мужа, другое – потерять его, зная, что умирал он рядом с соперницей, и последнее, что он видел, была эта мерзавка.

– Так что же случилось? – повторила Мариша, когда расположилась в просторной кухне явно коммунальной квартиры, если судить по многочисленным разнокалиберным и снабженным замками дверям комнат в длинном и темном коридоре.

Но сейчас дома, кроме них с бабкой, никого не было. Все прочие жильцы находились либо на даче, либо на работе.

– А все началось не сегодня и не вчера, – начала рассказывать бабка, наливая Марише в стакан заварки цвета, ну, в общем, нехорошего какого-то цвета. – Ты ведь если уже приезжала к Ленке, то знаешь, что она постоянно водила к себе разных хахалей. Можно сказать, что они у нее каждый день менялись. Конечно, рано или поздно они должны были столкнуться. Вот вчерась Ленка и допрыгалась.

– А что случилось-то? – в третий раз спросила Мариша.

– Сначала Ленка заявила с каким-то хахалем, на вид приличный и немолодой, – сказала бабка. – Дверь нашей квартиры напротив Ленкиной, поэтому мне было хорошо слышно, что на площадке кто-то есть. Я ждала в гости внучку, решила, что это она, и выглянула в глазок.

Мариша подумала, что бабка и без внучки выглянула бы в глазок, не могла она остаться в стороне от событий.

– Так вот, не успели они войти к себе, как появилась еще одна светловолосая женщина. Одета шибко хорошо, но вся очень взволнованная. Не успела она даже в дверь постучаться, как примчался Гарик и начал со своими ребятами ломиться к Ленке.

– Гарик! – воскликнула Мариша.

– А тебе Лена про него тоже рассказывала, – хмыкнула бабка. – Да, примчался Гарик со своими ребятами. Я сразу поняла, что он приехал не просто так, потому что он всегда приезжает один или в крайнем случае с телохранителем, а тут от его бандитов прямо темно стало.

– И они принялись ломать дверь?

– Да, – кивнула бабка. – Гарик даже не стал звонить, но все равно Ленка бы ему не открыла, она ведь там была не одна.

– А потом?

– Потом ребята Гарика вытащили обоих любовников из квартиры, Ленка явно была без сознания, а мужик сопротивлялся, но где ж ему было справиться сразу с двумя. А потом они все сразу ушли.

– А Гарик у Лены уже давно? Когда они познакомились? Верней, когда вы его первый раз видели?

– По ее понятиям, так он у нее, почитай, всю жизнь, – сказала бабка. – Значит, с месяц уже тут бывает.

– А другие мужчины у Лены при этом были?

– А как же? – удивилась бабка. – Все время, только с Гариком они до сей поры не стл-кивались.

– А этот мужчина, которого вчера унесли вместе с Леной, он тут уже бывал?

– Бывал, – кивнула бабка. – Лично я его видела не меньше пяти раз. То есть вроде бы он у Ленки тоже постоянным становился. Только приходил он всегда по выходным и часто с дочками. Я так про себя его и прозвала – Рыбак. Женат, конечно. Жене говорил, что на

рыбалку, а сам к любовнице. Я даже вчера подумала, уж не его ли супругу я видела возле Ленкиной квартиры перед тем, как появились ребята Гарика.

Мариша подивилась про себя бабкиной смекалке и догадливости, но вслух ничего не сказала.

– И вы рассказали в милиции, что это Гарик похитил Лену?

– Ты что! – испугалась бабка. – Нечто мне жить неохота? Он ведь сразу поймет, кто на него навел.

– Ну хорошо, а та тетка, которая приходила к Лене и про которую вы подумали, что она жена Ленкиного хахаля, она куда делась?

– Не знаю, – пожалала плечами бабка. – Должно быть, ушла, раз ее не было на площадке, когда я решилась выглянуть.

– А этот Ленкин хахаль, значит, был уже немолодой?

– Да уж лет ему сорок пять, а то и все пятьдесят стукнуло.

– Слушайте, но как же мне теперь найти Лену? – спросила Мариша. – Я же не могу уехать, не узнав, что с ней все в порядке. Вдруг этот Гарик ее убил из ревности.

– Тогда уж он скорей убил бы своего соперника, – сказала бабка. – А с Ленки что взять? Хоть она тебе и сестра, но так и скажу: гулящая она, одно слово – шалава.

– Но все-таки ведь сестра, и сердце за нее болит, – пожаловалась Мариша.

– Ты тогда вот что, – наклонилась к ней бабка, – если пообещаешь, что не побежишь в милицию, я тебе кое-что про этого Гарика скажу. Только чтобы между нами осталось, а то мне врагов наживать не с руки.

– Ладно, – кивнула Мариша. – Договорились.

– Ну тогда слушай, Ленка хвасталась, что у Гарика есть своя фирма. Что вроде бы они занимаются охраной других фирм. Только как уж им людей охранять, если они сами бандиты. Ну, должно, от других бандитов и охраняли. Но фирма у него оформлена законным порядком, находится где-то в центре на улице какого-то профессора.

– Какого профессора?

– Не помню я, что ты хочешь, старость не радость. Но больше я ничего про Гарика не знаю.

– А как он выглядит?

– Выглядит он знатно. Хорош собой. Высокий, справный, волос аккуратно подстрижен. Лицо ничего особенного, но для мужика главное – представительность. А Гарик малый видный, ростом и фигурой. В общем, хорош парень, и все тут. Я даже голову ломала, и чего он с такой мочалкой, как Ленка, связался.

– Ясно, – сказала Мариша. – А вчера вы не видели во дворе красную машину? «Жигули» «пятерку». Старую такую и довольно грязную.

– Нет, – покачала головой бабка. – Даже не представляю, чья это может быть. Но точно не из нашего дома. А Гарик ездит на красивой светлой машине. Ленка говорила, что «Мерседес» вроде. А цвет у машины особенный, прямо тебе топленое молоко, да еще отливает перламутром.

– Лена где-нибудь работала? Мне она говорила, что в салоне причесок.

– Боже сохрани! – рассмеялась бабка. – Разве на честные деньги купишь такую квартиру? Я вот всю жизнь проработала, а имею комнату в коммуналке, где еще шесть таких же горемык теснятся. Нет, ни на какой работе Ленке на квартиру не скопить. У нее хоть только три комнаты, но зато свои собственные.

– Она сюда ведь недавно переехала? Нам с мамой Лена звонит нечасто, так что я почти не в курсе, что у нее в последнее время за жизнь была.

– Я бы не сказала, что недавно. Год уж точно живет. А купила квартиру она еще раньше. Здесь почти год ремонт шел. Стены ломали, перекрытия там всякие, а уж мусора выносили,

прямо страх! Грузовиками со двора увозили. Ленка говорила, что ей любовник квартиру подарил, отремонтировал за свой счет и умер. Не успел, бедняга, насладиться.

– Щедрый, должно быть, любовник-то, – заметила Мариша.

– Ну дак! – откликнулась бабка. – У Ленки других и не водится. Она себе цену знала.

– А вроде бы и некрасивая, – заметила Мариша, не имея ни малейшего представления, как выглядит эта Ленка.

– Кто? Ленка? А вот этого и не поймешь. Краски на морде всегда столько, что, какая она настоящая, и не скажешь. Но одевалась красиво. И ноги у нее от ушей начинаются, мужики нынче это обожают. И фигура в порядке. Сиськи обтянет, а юбка едва срам прикрывает. Но все равно, как увидишь, что она навстречу идет, так рот откроешь и глаз оторвать не можешь. Чисто леденец на палочке.

– А того, кто подарил ей квартиру, вы видели?

– Нет, говорю же, он у нее как только оформил дарственную на квартиру, еще ремонт шел, как помер, – сказала соседка, отхлебывая остывший чай.

– Ясно, – сказала Мариша. – Спасибо. У вас не найдется «Желтых страниц»?

– В туалет, что ли, тебе понадобилось? – удивилась бабка. – Так ты не стесняйся, у нас там туалетная бумага есть. Сходи себе на здоровье.

Больше Мариша настаивать не решилась. Заглянув на минутку в туалет, она отправилась домой. В дверях ее нагнала старуха и что-то шепнула на ухо. Повеселевшая Мариша наконец отправилась домой.

Дома она первым делом позвонила маме, но там никто не подошел, должно быть, Тамара Ильинична все еще находилась у своей сестры в больнице. Потом Мариша принялась искать справочник. После не очень долгих поисков Мариша поняла, что она здорово экономит время, если не будет справочник искать дома, а прямо пойдет и одолжит его у кого-нибудь. Например, у Даши – то есть у меня.

Не знаю почему, но, когда что-то случалось, мое имя Марише приходило в голову в первую очередь. Я этому вовсе не радовалась, так как ни разу, клянусь, ни разу Мариша не явилась ко мне просто так, не принеся с собой сложнейших проблем и кучу хлопот. Вот и теперь. Едва я собралась вымыть голову, налила в таз теплой воды и смочила волосы, как раздался звонок в дверь. Чертыхнувшись, я замотала голову полотенцем и пошла открывать.

– Голову моешь? – удивилась Мариша. – А у нас горячую воду отключили. А у вас нет?

– А ты моешься только, когда вода в доме есть? – ехидно спросила я. – А я вот, представь себе, такая чистюля, что воду грею на плите, а сейчас она ждет меня и остывает.

– Так я нехстати? – проявила потрясающую догадливость Мариша. – Но ты мне, собственно, и не нужна. Иди мойся, только дай мне какой-нибудь справочник.

Я сунула ей растрепанный и пухлый том «Весь Петербург» за 1998 год, который лежал в прихожей вместе с другой макулатурой, приготовленной для помойки, и ушла домывать голову. Времени у меня на это много не ушло, чего там, короткая стрижка, что ни говори, огромный шаг на пути женской независимости от мужской деспотии. Волосы им, мерзавцам, длинные нравятся, ха! А попробовали бы они эти волосы вымыть, а потом расчесать, а потом уложить. Вот и носили бы сами лохмы, а то вечно на нас самое трудное перекаладывают.

– Ну что у тебя тут? – спросила я, входя в комнату.

– Представляешь, у нас в городе аж четыре улицы, названные в честь профессуры, – возбужденно заговорила Мариша.

– У нас очень просвещенный и культурный город, – осторожно подтвердила я. – Это ты верно заметила.

– Да не в этом дело! – воскликнула Мариша и, отложив на время справочник, поведала мне, зачем ей так понадобились безотлагательно профессорские улицы.

– Бедная твоя тетка, – посочувствовала я ей. – Хотя у меня тоже есть тетка, но у нее муж даже и не собирается никуда уходить. Но ты бы видела, чего ей это стоит. На ней просто лица нет, так она устает, облизывая его.

– На моей тоже нет.

– Но если бы от моей муж ушел, то она сразу же расцвела бы, – настаивала я. – А если бы еще и сынок слинял к бабке, тетке вообще не о чем было бы и мечтать. Представляешь, какая красота. Приходит она домой, ну это в том случае, если приходит, а дома тишина. В холодильнике стоит обед, который никто не сожрал, и она спокойно может съесть его сама. Не нужно стирать чье-то белье, не нужно мыть посуду за троих, практически не нужно мыть полы, а если нужно, то очень редко. И при этом она еще может тратить свои деньги на себя лично, а не покупать всякую всячину своим троглодитам. Ну и моральный аспект: не мучиться в догадках, что бы такое им приготовить, чтобы и повкусней было и чтобы надолго хватило. Так что если рассуждать без всяких соплей и эмоций, то твоей тетке повезло.

– Дело в том, что мою тетку ее муж содержит, она сама не работает после того, как ее сократили, – сказала Мариша. – Уже десять лет.

– Так пойдет снова, уж это никогда не поздно. А втянется, так даже удивляться будет, как это она дома целыми днями сидела и от скуки не умерла.

– Но она любит своего мужа, – попыталась объяснить Мариша.

– Ну и пусть себе любит на здоровье, – не дала я себя сбить. – Зачем же обязательно каждый день его видеть? Да если хочешь знать, вообще предмет обожания надо видеть как можно реже. В разлуке ее чувство только окрепнет.

– Слушай, ты меня сейчас заморочишь! – возмутилась Мариша. – Тут человека похитили! Может быть, Валериан и не самый лучший муж для моей тетки, но мы с ним знакомы уже столько лет. И будет свинством, если я не попытаюсь его разыскать.

– Разыскать! – воскликнула я. – Вот оно что! Так я и думала. Убирайся!

– Ты что? – испугалась Мариша.

– Ничего, не хочу я больше никого разыскивать, а тем более твоего дядю, и тебе не позволю. Вспомни, когда мы занимались розысками в прошлый раз, ты только чудом спаслась от того ненормального извращенца! А теперь еще неизвестно, что за типы умыкнули твоего дядю. Этот Гарик в «Мерседесе» мне не слишком нравится, приличные люди на «Мерседесах» не ездят, они пешком ходят. А такой пристрелит и не поморщится. Опять же твоя тетя уже получила первое предупреждение, когда ей дали по голове. Учти, второго эти люди обычно не делают.

– Но мне все равно придется искать его, – сказала Мариша. – Я уже обещала тетке, что найду дядю, а то ей совсем плохо.

– Ясно, – буркнула я, внутренне смиряясь с судьбой. – Жаль тетю. Ну и что у тебя там с профессорами?

– Ты представляешь! – воскликнула повеселевшая Мариша. – Улица профессора Вологодина, профессора Ивашенцева, улица профессора Качалова и улица профессора Попова. На какой-то из этих улиц и находится охранная фирма нашего Гарика.

– Улица Попова – это на Петроградской, – сказала я. – А про остальные впервые слышу.

– Я уже посмотрела. Улица профессора Вологодина – это в Шувалове, профессора Качалова в Невском районе, а профессора Ивашенцева где-то за Лаврой. Значит, из четырех улиц нас интересуют только две. Что ж, это облегчает нашу задачу.

– А почему две?

– Потому что бабка, которая сообщила мне эту информацию, сказала еще, что фирма Гарика находится в центре города. Значит, нас интересуют улицы профессора Попова и профессора Ивашенцева.

– Теперь ясно, – сказала я. – И что ты намерена делать?

– Позвонить в справочное и выяснить телефоны и адреса всех охранных фирм, которые располагаются на этих улицах, – сказала Мариша.

– Не думаю, чтобы их было много, – сказала я. – Улицы не кажутся особенно длинными.

– В центре дома так плотно налеплены, что может быть все что угодно, – не согласилась со мной Мариша, снимая трубку телефона.

Первым делом она позвонила домой к своей тетке, ожидая услышать сообщение на автоответчике, которое надиктовали похитители дяди Валериана. Но ее ждало разочарование, пока выкупа никто не требовал. Потом Мариша дозвонилась до 09 и выяснила, что у них есть лишь неполная информация, так как ряд охранных фирм разместили информацию о себе в платной информационной службе. Каждая справка стоит четырнадцать рублей. Сумма невелика, но, как выяснилось, на этих двух улицах находилось целых восемь фирм интересующего нас профиля. И только две из них были размещены в обычной справке.

В первые же пятнадцать минут пребывания Мариши у меня дома я стала бедней на целых восемьдесят четыре рубля. И это было только начало, а дальше траты, как правило, возрастали в прогрессии, хорошо, если не геометрической. Я почему-то подозревала, что и выкуп за дядю в случае необходимости влетит нам в копеечку.

– Итак, едем сейчас же, – сказала Мариша. – Ты со мной?

– С тобой, – кисло пробурчала я. – Сейчас только газ выключу. Не могу же я допустить, чтобы тебя тоже похитили, как и твоего дядю. Или дали по башке, как тетке.

Маришин «Опель» стоял возле подъезда моего дома. Мы загрузились в него и отправились по маршруту. Сначала нам нужно было проехать улицу Ивашенцева. А где она находится – приходилось только гадать. Даже карта нам не больно помогла. Пока я не догадалась, что нужно посмотреть в списке улиц, обозначенных цифрами. Через несколько минут нам удалось установить, что искомая улица под номером 223 была первой улицей, которая ответвлялась от Невского проспекта, если ехать по нему от площади Александра Невского. Домов тут было достаточно, но все какие-то невидные. Но в справочном нас уверили, что на этой улице есть целых две охранных фирмы. После долгого мыканья по запущенным скверикам и грязноватым подворотням мы нашли их обе. Увы, ни в одной не слышали ни о каком Гарике. Машины цвета топленых сливок тут тоже не наблюдалось.

– Ничего, список уменьшился на два пункта, – подбодрила меня Мариша. – Сейчас поедем на Петроградскую...

– Давай сначала попьем, – взмолилась я.

И в самом деле жара, которая установилась в городе, обрушилась на горожан, которые ни о чем подобном не слыхивали. Обычно жарким солнцем наши края матушка-природа жаловала лишь в редкие дни июля и августа. Мариша согласилась с моим предложением, и уже через несколько минут мы сидели в открытом кафе, потягивая через соломинку ледяной сок.

Мы так увлеклись этим занятием, что даже не заметили, как жара стала немного спадать. Только тогда мы спохватились, что охранные фирмы все же обычные учреждения, и вряд ли сотрудники будут работать дольше шести часов. Мы быстро расплатились за сок – на двоих мы выпили не менее трех литров – и помчались к машине.

– Пока мы пили сок и прохлаждались, я кое-что надумала, – сказала мне Мариша, влезая в машину.

– Что?

– Мы с тобой неправильно подошли к делу. Мы сразу же в лоб начинаем расспрашивать о Гарике. А что, если эта информация секретна? Или просто наши расспросы кажутся подозрительными? Нам могут сказать, что никакого Гарика не знают, а на самом деле он будет сидеть в соседней комнате.

– Ты права, – согласилась я. – Так, может быть, и с теми двумя фирмами мы ошиблись?

– Нет, там все было слишком скромно, – сказала Мариша. – Там стояли исключительно «Москвичи» и «жигуленки», сразу видно, что люди там работают честные. Гарик из другой породы. Но теперь мы будем вести себя иначе. Светиться – ни-ни, просто зайдем наблюдательные посты. Рано или поздно Гарик появится.

– А как мы точно узнаем, он это или нет? – спросила я.

– У него есть одна примета, – сказала Мариша. – Но о ней я тебе скажу только после того, как мы найдем подходящего кандидата.

– Что за примета? – заныла я, но Мариша хранила молчание. Я ныла всю дорогу, но Мариша так и не раскололась.

На улице профессора Попова царило оживление. Обычно здесь бывало поспокойнее, да и сегодня скопление народа наблюдалось лишь возле одного дома. Разумеется, Мариша не могла проехать мимо.

– Что произошло? – обратилась она к парнишке лет пятнадцати, который возбужденно двигал челюстями, перемалывая нескончаемую жвачку.

– Да вот один тут из окна выпал, – пояснил парень. – Вон из того.

И он указал на ничем не примечательное окно на пятом этаже. От всех прочих оно отличалось лишь тем, что было распахнуто настежь.

– Прямо оттуда и сиганул, только мозги брызнули, – удовлетворенно подтвердил парень.

– Сам сиганул? – спросила Мариша.

– А я знаю? Меня там не было.

– А чьи это окна?

Но парню то ли надоела наша настырность, то ли он действительно не знал, но он отошел от нас подальше, заняв более удобную позицию для наблюдения. Тем временем с диким воем подкатила «Скорая помощь» и забрала кем-то заботливо прикрытое простыней тело.

– Пора! – скомандовала Мариша. – Сейчас самое время. Тут больше ничего интересного не будет. Пошли!

– Самое время для чего? – спросила я.

– Нужно успеть до приезда милиции выяснить как можно больше, – пояснила мне Мариша. – А то они живо оцепят место происшествия, и нам ничего не удастся разузнать про это окно.

Я попыталась возразить, что нам и не нужно этого знать. У нас уже есть одно глуховатое дело на руках, и незачем брать еще одно. Но я промолчала, так как знала, что обостренное чувство справедливости не даст Марише спокойно пройти мимо возможного места преступления, отказаться от попытки разузнать, что там на самом деле произошло.

Мы пулей взлетели на пятый этаж старинного дома. То есть Мариша взлетела, я едва поспевала за ней. При Маришкином росте – без малого два метра – и с ее ногами угнаться за ней мог далеко не каждый. А уж когда Мариша взволнована и спешит, то это становилось и вовсе делом безнадежным.

Поэтому, когда я доплелась до четвертого этажа, голос подруги доносился уже с самого верха.

– Откройте! – вопила Мариша. – Я из газеты! Хочу рассказать о случившемся нашим читателям.

– Не вопи, там никого нет, – сказал вдруг стариковский голос: из-за двери рядом со мной высунулась голова с седыми вихрами.

– Как это нет? – удивилась Мариша. – Только что из окон этой квартиры выпал человек.

– Теперь там никого нет, – уточнил старик. – И это не квартира, а фирма.

– Какая еще фирма, если даже таблички нет? – удивилась сверху Мариша.

– Вот такая фирма, – многозначительно ответил старик. – Мое дело маленькое, а только они все уже разбежались.

– Но человек выпал именно из этого окна, – настаивала Мариша. – Кто это мог быть?

– Девушка, ты еще молодая, тебе жить и жить. А вяжешься в эту историю, так может и не получится у тебя до пенсии дотянуть. Это я тебе говорю, а я достаточно пожил на этом свете, – бубнил старик. – Топайте себе отсюда, пока хозяин не приехал. Ему уж небось позвонили.

– Кто позвонил, если там никого нет? – спросила я.

– А это не мое дело, – заявил старик.

И он захлопнул дверь, показывая, что разговор окончен, он нас предупредил и дальше за нашу судьбу не отвечает. Мы быстро спустились вниз по лестнице и принялись расспрашивать свидетелей происшествия. Таковых оказалось двое. Пожилая женщина, бывшаяся сейчас в истерике и на которую «Скорая» почему-то не обратила никакого внимания.

Именно перед носом этой женщины с четверть часа назад и шлепнулось тело. Вообще-то зрелище должно было быть не из приятных, так что я рыдающую даму понимала. Кроме нее, из свидетелей имелся еще молодой мужчина. Он шел следом за женщиной, так что тоже все хорошо рассмотрел. Мужчина выглядел немного бледным, курил одну сигарету за другой, но в целом производил впечатление человека, умеющего держать себя в руках. Мы подошли именно к нему.

– Говорят, вы своими глазами видели этот полет? – спросила Мариша.

Мужчина затравленно на нее посмотрел и попытался прикурить новую сигарету. Это у него плохо получилось, так как руки сильно дрожали и не слушались, спички ломались одна за другой. Мариша чиркнула кремнием своей зажигалки, которую постоянно таскала в сумке, прикурила сигарету и сунула ее бедняге в рот.

– Так лучше? – спросила она.

Мужчина благодарно кивнул.

– Вы не представляете, какой это кошмар! – признался он нам. – Я ведь видел, как этот парень летел. Я даже ничего понять не успел, как он уже лежал на асфальте.

– Значит, все-таки выпал мужчина? – уточнила Мариша. – Ну и ладно, вот если бы женщина или ребенок, тогда действительно ужасно. А мужчины каждый день погибают в войнах, в разборках, от инсультов. Так что не переживайте.

Не похоже было, чтобы ее слова оказали сколько-нибудь успокаивающее воздействие на мужчину. Напротив, он как-то опасливо покосился на Маришу.

– А этот парень, что – сам выпрыгнул или его вытолкнули? – спросила Мариша. – Как по-вашему?

– Не знаю, но он что-то кричал.

– Что кричал? – насторожилась Мариша.

– Я не разобрал, да и не уверен, что это он кричал, – сказал мужчина. – Просто я услышал чей-то крик, потом увидел, как летит тело, а потом... – и свидетель снова затрясся.

– А крик доносился сверху или снизу? – спросила Мариша.

– Сверху, – несколько неуверенно сказал мужчина. – Могли кричать и из того окна, откуда выпал этот бедняга.

Внезапно возле дома затормозил черный «Форд», из которого вышли двое мужчин. Мельком глянув на кровавое пятно на асфальте, они устремились к подъезду.

– За ними! – взвизгнула Мариша и рысью припустила следом за приехавшими.

Так как Маришина рысь больше напоминала по скорости легкий галоп какого-нибудь призового участника дерби, то она нагнала молодых людей уже на третьем этаже, и дальше они мчались голова к голове. По пути Мариша информировала мужчин, что она, мол, представительница прессы и желает знать, что тут произошло. Но бегуны слабо на нее прореагировали. Да и похоже было, что им самим хотелось поскорее узнать подробности происшествия, потому что они торопливо открыли офис и скрылись в помещении, не удосужившись даже захлопнуть за собой дверь. Пока они возились с замком, я успела присоединиться к ним, так что перед

открытой дверью мы с Маришей стояли уже вдвоем. Учитывая обстоятельства, мы не стали ждать приглашения от хозяев, простили их невежливость и проскользнули следом за ними.

В квартире и в самом деле размещался офис. Во всяком случае, ни один нормальный человек не станет обставлять офисной мебелью свое жилье. Приехавшие метались из комнаты в комнату, явно кого-то или что-то искали. Пока они занимались этим в высшей степени увлекательным делом, мы с Маришей уставились на небольшой плакат, висевший прямо перед нами на стене. Он гласил: «Вы сделали правильный выбор, отныне ваша безопасность в наших руках. Охранное предприятие «Барс», а ниже было приписано: «Вы обратились к нам, и теперь все ваши проблемы стали нашими, а все ваши страхи остались в прошлом. Охранное предприятие «Барс».

– Ты поняла? – спросила у меня Мариша. – Это одна из фирм нашего списка. Это же все меняет.

Я торопливо вытащила бумажку с адресами, которые нам дала платная справка, и убедилась, что Мариша совершенно права.

– Нет его! – раздался в этот момент громкий голос, и из дальнего помещения выскочил один из наших парней.

Отличались парни друг от друга лишь цветом волос. Первый – светленький, а второй – откровенно рыжий. Светленький проскочил через комнату, не обратив на нас ни малейшего внимания, словно мы были невидимками.

– Ищи, он не мог никуда деться, – прокричал рыжий из другого конца офиса.

– А вдруг он и правда сиганул из окна?

– Как же, этот гад ни за что не стал бы накладывать на себя руки! – кричал второй. – Помнишь, как он трясся, чтобы мы его не убивали.

– Но кровь там чья-то была, – возразил первый.

На это рыжему нечего было ответить. Встав в тупик, он схватился за трубку, и мы услышали:

– Алло, я это. Нету его тут. Да все мы с Сержем обыскали. Нет его. Должно быть, и правда выпрыгнул. Сам идиот. Скажи боссу, чтобы приехал. Тут менты сейчас появятся.

Тут рыжий вышел из комнаты и увидел нас с Маришей.

– Это еще что? – поразился он.

– Мы из газеты, – снова начала Мариша.

– Нет, что вы тут делаете?

– Ждем, когда на нас обратят внимание, – доходчиво объяснила я.

Рыжий обомлел, потом он обошел нас со всех сторон, должно быть, чтобы убедиться, что мы вовсе не их пропавший пленник, таинственным образом раздвоившийся и сменивший пол.

– Валите отсюда, – коротко приказал он нам, убедившись, что мы не представляем для него никакого интереса.

– Из окна вашего офиса выпал человек, – продолжала настаивать Мариша, не трогаясь с места.

Рыжий попытался сдвинуть Маришу по направлению к выходу, но у него ничего не вышло. Мариша стояла как скала. Затем к рыжему подошла подмога в лице светленького парня.

– Девчонки, идите-ка вы отсюда, – по-хорошему попросил он нас. – Сейчас тут и без вас жарко будет. Кто-то уже ментам звякнул, вот-вот явятся. Еще вас к ответу притянут. Знаете, ведь как у них ведется, сначала хватают, кто под руку попадет, а потом уж разбираются, кто виноват, а кто не очень.

– А вы? – спросила Мариша. – Вас ведь тоже могут заподозрить, что вы того парня из окна выпихнули.

Судя по вытянувшимся лицам наших собеседников, этот вариант они как-то упустили из виду.

– Но мы же его не... – начал рыжий, но, не договорив, бросился к дверям.

Однако он опоздал. В дверях его перехватила милиция, которая, оказывается, уже поднялась по лестнице (надо отдать ей должное, очень тихо поднялась) и теперь с оружием в руках приступила к осмотру места происшествия. Как и предсказывал рыжий парень, нас всех немедленно задержали – до выяснения личностей. Я смотрела на деловито спующих ментов, которые поглядывали на нас с совершенно невозмутимыми лицами, и тоскливо думала, что в очередной раз влипла в историю.

И как мы теперь будем доказывать, что это не мы вытолкнули парня из окна офиса? Алиби у нас не было. В тот момент, когда парень вылетал из окна, мы с Маришей сидели в машине и ехали по Каменноостровскому проспекту. Наконец менты осмотрели место происшествия и пришли к выводу, что можно заняться и нами. Они все-таки были воспитанными людьми и первыми пригласили для беседы дам.

– Мы тут оказались случайно, – заявила Мариша. – Ехали мимо и увидели тело на земле. Разумеется, нам стало интересно, откуда он сиганул. Мы поднялись наверх, но тут было закрыто. А старик из квартиры снизу сказал, что все отсюда уже ушли. Тогда мы спустились вниз и увидели этих двоих ребят, которые вылезли из машины и побежали наверх. И мы пошли за ними, а...

– Зачем? – прервал ее опер с какой-то овощной фамилией, которую он нам назвал, но которую я тут же забыла. – Зачем вы пошли за ними? У вас что, привычка ходить за всеми молодыми мужиками?

– Не выдумывайте глупостей, – строго сказала ему Мариша. – Они сначала посмотрели на пятно на асфальте, потом на окна наверху и помчались наверх. Вот мы и подумали, что они должны что-то знать про погибшего. Потому и пошли.

– Зачем? – снова спросил у нее опер.

Господи, ну как же его фамилия? Он же нам представился в начале разговора. А, вспомнила, Картохин! Выглядел он соответственно. Я вообще замечала, что фамилии людей зачастую очень верно отображают их внутренний мир или соответствуют внешности. У Картохина был второй вариант. Он являлся обладателем носа картошкой. И уши напоминали два вареника с картошкой, а вся физиономия – наспех сделанное картофельное пюре с комками. А зато глаза приятно радовали, они были ярко-карие и очень внимательные.

– Зачем? – повторил Картохин.

– Как зачем? – удивились мы уже обе. – Чтобы выяснить, что тут случилось.

– Это я понял, но зачем вам понадобилось это узнавать? Вы что, знали погибшего? Он был вам близок?

– Мы его даже не видели, – уверенно заявила Мариша.

А я тем временем похолодела от ужаса, слова Картохина совершенно неожиданно натолкнули меня на страшную мысль. А что, если запертый в офисе человек и был Маришин дядя Валериан! Ведь лицо трупа мы не успели разглядеть, оно было прикрыто простыней. А пол совпадал. Насилу мне удалось внушить себе, что в городе тьма-тьмушая мужиков и совсем не обязательно, что погибший именно ее дядя. Но противная мысль все равно прочно угнездилась в сознании и не желала оттуда вылезать.

– А это у вас зачем? – снова спросил опер, видимо, он других слов, кроме «зачем», просто не знал.

Мы с Маришей усталились на листок бумаги, на котором были записаны адреса охранных фирм, которые мы узнали в платной справочной службе. Менты извлекли этот листок из моей сумочки. По-моему, без санкции на обыск поступать так – страшное свинство. Могли бы и попросить, я бы им сама все достала.

– Ладно уж, – буркнула Мариша. – Скажу вам правду. У меня пропал один человек. Верней не у меня, а у моей тети. Муж у нее пропал. Бедная тетя попала в больницу, и врачи опасаются за ее жизнь. Вот я и решила попытаться найти ее мужа с помощью... ну, с помощью этих фирм. Раз они занимаются охраной, так и розыском могли бы заняться.

К счастью, на этот раз Картохин не поинтересовался, зачем Марише это нужно. Вместо этого он спросил:

– Вы что, всерьез полагали, что эти фирмы занимаются охраной?

– Но ведь написано, – удивилась Мариша.

– Мало ли что написано. Охранные фирмы помогают директорам предприятий утрясать всевозможные трения с бандитскими группировками. По сути, эти охранные фирмы сами и есть бандиты, только вставшие на путь исправления и зарегистрировавшие свою деятельность, а также отдающие часть дохода от своей деятельности в виде налогов государству. Так что идите себе, девочки, отсюда подобру-поздорову. Вам тут теперь не помогут. Да, только сначала ответьте, что тут делали те два парня, которых мы задержали вместе с вами, когда вы зашли следом за ними?

– Бросились шарить по всем углам, – пожалала плечами Мариша.

– Зачем?

– Это вы уж у них спросите! – возмутилась моя подруга настырностью опера.

– Скажите, а где мы можем посмотреть на труп? – спросила я у опера.

– Зачем вам? – снова зациклился на своем Картохин.

Но на этот вопрос мы не успели ему ответить, так как на лестнице раздался шум шагов, дверь распахнулась, и на пороге возник мужчина. Болтливая Ленкина соседка оказалась права – Гарик был и впрямь хорош. Даже не просто хорош, а потрясающе хорош. У меня широко раскрылись глаза, и я просто всей кожей ощутила, как меня тянет к нему.

– Вы кто? – переключился с нас на новенького Картохин.

– Я директор этой шарашки, – заявил с порога пришелец.

А я все не могла оторвать от него взгляд – высокий, широкоплечий, без капли лишнего жира. Казалось, что он весь состоит из одних мышц, которые несут не только функциональную нагрузку, но еще и служат эстетическим целям. Зачесанные назад темно-русые волосы, большие серо-голубые, какие-то ласкающие глаза. Когда они на мгновение остановились на мне, я почувствовала, что умираю. И умерла бы, если бы он посмотрел на меня хоть чуточку подольше.

– Вот это экземпляр, – восхищенно шепнула мне Мариша на ухо.

Но вдоволь полюбоваться этим редким экземпляром красавца нам не дали. Картохин живо выставил нас вон, не забыв, впрочем, переписать наши фамилии и паспортные данные. На улице прибавилось машин, теперь там стоял «Мерседес», цвет которого старуха очень правильно назвала цветом топлёных сливок.

– Должно быть, это Гарик! – заявила Мариша. – Ну, если это он, то бабка была права насчет него на все сто. Он действительно здорово хорош собой. Итак, половина дела сделана. Цель обнаружена, теперь нам нужно проследить за Гариком. А там он нас сам выведет к Валериану или хотя бы к Ленке, она, я думаю, тоже должна знать, где искать дядю.

– Я вот все думаю, а чье же все-таки тело вылетело из окна, если это окно офиса Гарика? – задумчиво произнесла я. – А вдруг...

– Не может быть, – посерела Мариша. – Нет, это не дядя Валериан. Мы же слышали, как рыжий в офисе удивлялся: мол, чего это тот парень решил прыгнуть. Вроде бы очень жизнь любил, а дядя Валериан тоже ценил радости жизни. Нет, сам он ни за какие коврижки не стал бы прыгать.

– А кто знает, сам он сиганул или... – высказала я свои сомнения. – Мы поднялись в дом через четверть часа после падения. За это время убийца мог сто раз запереть дверь и удрать. Да и свидетели показывают, что слышали наверху голоса.

– Голос, – поправила меня Мариша.

– Ну, голос. А с кем он мог разговаривать, не сам же с собой?

– Это правда, – задумалась Мариша. – Так что нам придется ехать в морг...

– Не знаю, хорошо бы сначала выяснить, в какой именно, – сказала я.

– Правильно, – оживилась Мариша, которой явно не хотелось бродить среди холодных трупов в поисках единственного нам нужного. – Труп от нас никуда не уйдет. Лучше пока проследить за Гариком.

Я ее вполне понимала, живой Гарик выглядел значительно привлекательней возможного трупа ее дяди. Поэтому мы остались возле офиса, только поставив Маришин «Опель» таким образом, чтобы он не бросался в глаза любому выходявшему из дверей. Вдалеке стояла какая-то легковушка красного цвета, здорово грязная, и несколько других машин, я смогла рассмотреть их во всех деталях, так как ждать нам пришлось долго. Не знаю уж, что там выпытывал Картохин у задержанных, но только они вышли спустя почти час и выглядели так, словно побывали в жарко натопленной бане.

Следом за ними шел Гарик и подгонял этих двоих легкими пинками. Лицо его при этом выражало жуткое омерзение, словно ему было неприятно до них даже дотрагиваться. Внизу парни выслушали от Гарика подробные инструкции, покорно покивали головами и попрощались. Затем парни сели в свою машину, а Гарик в свою, и черный «Форд» стал разворачиваться, явно собираясь ехать в противоположную Гарику сторону.

– Вот так фокус! – возмутилась Мариша. – И как же нам за ними следить в таких условиях? Не разорваться же пополам. Даша, за кем ехать-то?

– Поехали за Гариком, – вздохнула я.

Мариша послушалась, и мы плавно порулили за «Мерседесом» Гарика. Мне показалось, что мы уже успели пересечь весь город, когда машина Гарика наконец завернула на стоянку, хозяин же ее вышел и направился к небольшому кафе с непонятным названием «У самого синего моря». Моря тут не было и в помине. Из воды рядом имелся разве что грязноватый водоемчик, заросший тиной, в котором плавали пустые бутылки и прочий мусор.

Гарик зашел внутрь, проигнорировав цветные пластиковые столики под открытым небом. Разумеется, мы пошли за ним следом. Гарик так торопился, что по сторонам не смотрел. Для нашего плана это было сущим счастьем, потому что внятно объяснить, зачем мы за ним следим, и вместе с тем вызвать у Гарика прилив доверия к нам, мы при всем желании не смогли бы.

В кафе царил полумрак, а с улицы мы и вовсе ничего не могли рассмотреть. Через некоторое время глаза привыкли, и мы увидели, что посетители тут сплошь мужчины в возрасте от двадцати до тридцати пяти, очень крепкие, с низкими лбами и короткими стрижками. Все увешаны цепями, некоторые в наколках. Гарика мы сначала не увидели. Придав лицам сугубо деловое выражение, мы направились в глубь зала.

– Смотри! – вдруг прошептала мне Мариша. – Вон он.

Я посмотрела в ту сторону, куда она кивала, и увидела Гарика. Он разговаривал с каким-то мужчиной, который сидел вполоборота к нам. Мы присели за свободный столик, исподтишка поглядывая в их сторону. Гарик что-то взволнованно втолковывал своему собеседнику, и тому услышанное явно не нравилось. Он тоже начал размахивать руками, потом вскочил с места, грохнул о столик стаканом и помчался к выходу. И тут мы с Маришей чуть со стульев не упали. Потому что спешивший к выходу мужчина был почти точной копией Гарика.

– Его брат! – ахнула Мариша. – Их двое. Куда это он, интересно?

И мы поспешили следом за вторым Гарику. Теперь мы шли, нисколько не опасаясь, что он нас заметит, ведь он нас раньше не видел. Но второму Гарику было не до нас. Он подбежал к своему «Форду», который по цвету здорово походил на «Мерседес» первого Гарика, сел в него и резко газанул с места. Увы, Маришин «Опель» не выдерживал конкуренции с «Фордом», который при этом еще и нарушал все мыслимые правила движения.

Нам удалось продержаться на хвосте у «Форда», мчавшегося, как дьявол, только каким-то чудом. Да еще благодаря тому, что Гарик попал в пробку, где ему не помогли ни его наглость, ни шестьдесят четыре лошадиные силы, запрятанные под капот его машины. Таким тандемом мы благополучно доехали до спального района вблизи метро «Ветеранов». Второй Гарик остановился возле одного из девятиэтажных кирпичных домов и вошел во второе парадное.

Мы даже не успели продумать план действий и вылезти из своей машины не успели, как Гарик-дубль уже вылетел на улицу и попытался влезть в окно первого этажа, которое было немного приоткрыто. С первой попытки ему это не удалось. Тогда он попытался снова, и на этот раз ему удалось забросить на подоконник свое тренированное тело.

– К окну!

И мы с Маришей ринулись к окну, откуда уже доносились чьи-то вопли.

– Не знаю я, где он! – вопил женский голос.

– Врешь, паскуда, и не заливай! Мне соседка сказала, что он у тебя. Признавайся, куда ты его спрятала? Ленка, признавайся сама по-хорошему, не то я из тебя правду по кусочкам выбью.

– Только ударь, живо у меня в ментовку загремишь, – не испугалась таинственная Ленка. – Думаешь, как бизнесменом заделался, так все прошлые грешки тебе и забылись? А я много про тебя могу рассказать.

– Только не забудь и про себя добавить, – ответил Гарик. – Живо признавайся, куда его дела?

– Под кровать спрятала! – закричала женщина. – Надоел ты мне со своими глупостями! Дай поспать. Чего разбудил?!

– Я тебе поплюю, – угрожающе прорычал Гарик, и следом послышалось пыхтение и шорох одеял.

– Это ты чего удумал? – грозно осведомилась Ленка. – Пошел прочь, кобель проклятый. То кулаками грозишь, то в постель лезешь. Вали отсюда!

– Они там чего? – спросила я.

– Для дважды побывавшей замужем ты все-таки осталась ужасающе наивной, – вздохнула Мариша. – Он ее трахнуть пытается, а она не дает.

– Так светло же еще.

Мариша только рукой на меня махнула. А парочка тем временем уже вполне помирилась, и узнать нам удалось только то, что у Ленки толстые ляжки и Гарику это здорово нравится. Дальше пошла уже откровенная порнография, и из врожденной стыдливости мы отошли подальше.

– Черт! – выругалась Мариша. – Даром только время потеряли. Валериана тут явно нет и не было. А о том, что Гарик был знаком с Леной, мы знали и до этого. Нужно было остаться в баре. Настоящий Гарик значительно больше меня сейчас занимает, чем этот любитель постельных утех.

– А если поговорить с Ленкой, – предложила я. – Не может быть, чтобы у нее совсем не было совести. Пусть расскажет, куда Гарик дел Валериана. Давай поговорим.

– Чтобы засветиться? – хмыкнула Мариша. – Поговорить с ней значит доложить всей их компании, что мы ищем Валериана.

– Но хотя бы узнаем, с какой целью его похитили, – сказала я.

– Это и так ясно, хотят получить выкуп.

– С кого? Твоя тетка так богата? Так чего же она тогда рыдает, что муж собирался бросить ее умирать с голоду?

– Ну, тетя любит драматические эффекты, – пробормотала Мариша. – А тысяч пятьдесят они должны были накопить за все годы.

– А почему они до сих пор не объявили о размере выкупа?

– Почему, почему! – рассердилась Мариша. – Мы с тобой целый день мотаемся по городу. А они уже, возможно, давно сидят и нам названивают, а мы тут болтаемся. Кому они свои требования оставлять будут?

– Но не разорваться же нам, – возразила я. – Пусть твоя тетя лечится на дому, а заодно караулит звонки от похитителей. В конце концов это ее мужа похитили, а не моего. И вообще, чем за мужиками гоняться, нужно съездить в морг и точно выяснить про Валериана! И перекусить не мешало бы.

– Странные у тебя ассоциации, – съязвила Мариша.

И мы поехали к Маришиной тетке домой. Нужно было позаботиться о котенке – Оранж с утра сидела в доме и успела наделать изрядное число лужиц. Ликвидировав последствия ее безнадзорности, мы поужинали копченым мясом с черствым хлебом и кетчупом, а потом принялись обзванивать морги. Повезло нам, так сказать, в третьем по счету. Он находился в больнице имени Мечникова, что на одноименном проспекте. К больнице мы добрались за двадцать минут.

– Странно, что милиция до сих пор не забрала труп, – сказала Мариша. – Он же явно криминальный.

– Должно быть, других дел много, – заметила я. – Во всяком случае, нам их халатность только на руку.

Больница находилась в тихом зеленом месте, невдалеке проходила скрытая разросшимися деревьями железная дорога. Забор был приятного розовато-терракотового цвета, как и сами больничные домики. Украшенные белым орнаментом, они смотрелись на фоне зелени просто отлично. Вообще место было уютное, я даже позавидовала дяде Валериану, если после смерти его угораздило оказаться здесь.

Но его тут не было. Мариша осмотрела не только тот труп, который сегодня привезли с улицы Попова, но и все другие тела, но своего дяди не нашла.

– Вы уверены, что это все? – придиричиво спросила она. – Дяди тут нет.

– Вряд ли в одном месте и в одно время произошло два схожих несчастных случая, – сказал санитар. – А это именно тот жмурик. Так что, будете его опознавать или нет?

– Мы его не знаем, – отказались мы.

Санитар досадливо вздохнул и покатил каталку прочь. Мы тоже вышли на улицу, где остановились и принялись обдумывать свое положение. Первый раунд оказался явно не в нашу пользу. Даже следов Валериана мы не обнаружили. Ну и что с того, что мы нашли даже двух Гариков и Ленку, но как к ним подобраться, мы все равно не представляли.

– И все же хорошо, что в морге лежит не твой дядя, – заметила я. – Значит, еще остается надежда, что он жив и рано или поздно объявится, если только...

– Только что? – насторожилась Мариша.

– Если только он это похищение не сам инсценировал, – предположила я. – И еще непонятно, откуда он мог знать, что именно в этот день его жена будет за ним следить. Разве что, прожив с ней почти четверть века, он достаточно хорошо ее изучил.

– Я все-таки думаю, что его похитили ради выкупа, – сказала Мариша. – Интересно, а в милиции удалось установить, кто тот бедняга, что выпрыгнул из окна?

– Судя по тому, что санитар просил нас опознать тело, – нет, – сказала я.

И мы вернулись домой к Маришиной тетке, чтобы кормить Оранж и ждать звонка похитителей. Попутно мы отчитались по телефону Серафиме Ильиничне, что ее муж предположительно жив, но вестей о себе пока не подает. Но зато мы уже напали на след его похитителей.

– Так сообщите в милицию! – завопила Маришина тетка. – Пусть они из них, из этих похитителей, всю душу вытрясут. И из этой, моего муженька, шалавы тоже.

– Тетя, мы не должны пока обращаться в милицию, – попыталась урезонить ее Мариша. – А вдруг похитители имеют еще сообщников, и те прикончат дядю, испугавшись, что его найдут? Все-таки труп спрятать легче, чем живого человека.

– Боже мой! – ахнула тетка. – Но что же делать? Может быть, ты, Мариша, возьмешься за это?

– Я и так ищу дядю, – удивилась Мариша. – И не одна, а с подругой.

– Вот-вот, и, может быть, вы накажете эту мерзавку, которая заманила Валериана к себе. А еще лучше, найми для этой цели какого-нибудь знающего человека. Мне показалось, что у Севы должны быть дружки, готовые взяться за это, и за небольшую плату.

– Тетя, мы и Севу не видели, и нанимать никого не будем, это же подло, – сказала Мариша. – Может быть, Лена и не виновата.

– Вот так, теперь ты ее защищать будешь. И уже знаешь, как ее зовут, – горько хмыкнула на другом конце провода Серафима Ильинична. – Значит, и ты, моя единственная племянница, против меня. Что же я вам всем плохого сделала? За что вы со мной так? Имей в виду, что я не успокоюсь, пока не сдери с этой мерзавки шкуру. Мне бы только из больницы выписаться.

И она повесила трубку.

– Какая у тебя кровожадная тетя, – заметила я. – А ты знаешь, эта ее идея про Севу...

– Что, и ты тоже! – возмутилась Мариша. – Ну зачем нам кого-то нанимать и уродовать Лену? Она же виновата ничуть не больше, чем сотни других женщин. У меня вот тоже были женатые любовники. И могу тебя смело уверить, что радости от них совсем мало. Ни тебе поздравлений с праздниками – они ведь дома празднуют. Ни тебе ночных развлечений – спать опять же надо дома. И еще выслушивай, что либо у них жена ангел, а сами они сволочи, либо что она дрянь, а они бедные, несчастные. И то и другое слушать одинаково противно.

– Так я ведь и не предлагаю избивать Лену, – сказала я. – Можно ее просто слегка припугнуть.

– А ты уверена, что она знает, куда Гарик запрятал Валериана? – спросила Мариша. – И в любом случае где нам найти охотников до такой работы?

– Мне кажется, что сегодня я видела Севину «пятерку», – задумчиво посмотрела я на подругу.

– Да, и где? – оживилась та.

– Все там же, на улице Попова, когда мы поджидали первого Гарика и двух его стриженных оболтусов. Во всяком случае, там стояла какая-то чумазая «пятерка».

– А номер ты запомнила?

– Записала, – поправила я ее.

– Давай его сюда, – обрадовалась Мариша, которая терпеть не могла сидеть без дела, это ее угнетало больше всего. – Сейчас мы узнаем, что там за Сева такой.

– Если это, конечно, была его машина и если номера не фальшивые, – сказала я.

– Не мешай, – отмахнулась Мариша, начиная обзванивать знакомых компьютерных гениев, чтобы они по своим данным выяснили, на чье имя записаны эти номера.

Я ушла на кухню и принялась играть с Оранж. Я кидала ей кусочек мягкой ткани, привязанный на веревочку, а котенок ловил его. Так мы развлекались до тех пор, пока не появилась торжествующая Мариша.

– Можем плясать, – сказала она мне. – Этот Сева лопух. Машина и в самом деле была его, и номера не фальшивые. Зарегистрированы они на Всеволода Ивановича Солоняку. Прямо сейчас к нему и поедем.

– Ну нет, – отказалась я. – За день так намоталась, что в голове гудит. До утра твой Сева подождет.

– Как хочешь, – обиделась Мариша. – Раз тебе сон важней, то, пожалуйста, оставайся дома.

– Вот именно, – подтвердила я и отправилась чистить зубы.

Пыхтящая от негодования, Мариша уехала одна. Но вернулась она довольно быстро, снова пыхтящая, но на этот раз сердилась она на Севу.

– Представляешь, этого хмыря не оказалось дома, – сказала она, не тратя времени на умывание и заваливаясь спать на вторую кровать. – И машины его тоже. Где он может в такое время шляться?

– Например, следит за одним из Гариков, – сказала я.

Мариша мне ничего не ответила, так как спала. Следующий день мы начали с того, что самого раннего утра поехали в гости к Севе. Но и на этот раз удача нам не улыбнулась. Его все еще не было дома. Жил он в хрущевке, но довольно чистенькой, и на лестнице в виде исключения не воняло канализацией. Соседка, вызванная нами из соседней квартиры, подтвердила, что такой тут живет, ведет себя тихо.

– А кто он по профессии? – спросила я. – Чем занимается? Он вроде бы работу искал, во всяком случае, моя тетя его рекомендовала в качестве шофера.

– Чем все, тем и он, – работал. А что касается шоферства, то водит он хорошо, – бойко ответила старушка. – И дома он должен появиться, только вчера его видела. Здесь он. Хотя с чего бы ему передо мной отчитываться, я же ему не жена.

– А жена у него есть? – бесцеремонно спросила Мариша.

Но на этот вопрос старушка не пожелала ответить, просто захлопнула перед нами дверь своей квартирки. Вторым пунктом в нашем сегодняшнем плане стоял младший из Гариков и его Ленка. Тех тоже в квартире на первом этаже на проспекте Ветеранов не оказалось. Поневоле пришлось перейти к пункту третьему – нашему первому Гарику. К нему на работу мы и направились, сильно подозревая, что встретим там же дубль-Гарика и его подружку.

– Как-то странно получается, – сказала Мариша, пока мы ехали по городу. – Ленкина соседка уверяла, что Гарик – Ленин дружок и что у него фирма на улице Попова. А у его брата там тоже фирма, из окна которой выпадают люди. И который из Гариков нужен нам?

– Лично я думаю, что у обоих братьев одна и та же фирма, – сказала я. – А подозрительны они оба. И, наверное, оба замешаны в эту историю с похищением.

– И что это за человек, которого они заперли у себя в офисе? – продолжала размышлять Мариша. – Кто его выбросил и почему? Знаешь, вчера в морге мне вдруг так стало жаль беднягу. Мы должны выяснить, что с ним случилось.

– Ладно, – покорно согласилась я. – А кто потом возьмется выяснить, что случилось с нами? Твоя тетка? Ты прости, но мне она не показалась слишком любящей тетей.

– Это потому, что у нее горе, – сказала Мариша. – И ей не до меня. А так она вообще-то довольно привязана ко мне, хотя рисковать своим покоем ради меня, конечно, не будет. Но, кажется, я знаю, кто сможет нас подстраховать.

И она указала вперед. К этому моменту мы уже подкатили к офису Гарика, и в том направлении, куда указывала Мариша, стояла несколько помятая, но чистая красная «пятерка».

– Не знаю, – усомнилась я. – Вроде бы та была целой, но грязной, а эта наоборот. И номера не совпадают.

– Пустяки, – отмахнулась Мариша. – Нужно проверить, кто там в салоне.

И мы пошли проверять. Так как ни одна из нас в глаза раньше не видела таинственного Севу, то я как-то не очень понимала, что мы будем там проверять. Правда, Серафима Ильинична снабдила нас подробным описанием внешности своего знакомого, но она уделяла основное внимание его прикиду. А это легко поменять.

– Делаем так, – сказала Мариша, – ты отвлекаешь его внимание, а я проверяю документы.

– А как я буду его отвлекать?

– Тогда я отвлекаю, а ты ищешь в бардачке его документы, – не стала спорить Мариша.

Мне и этот вариант не слишком понравился, но я смирилась. Нельзя же и в самом деле все время бездельничать.

– У вас свободно? – игриво спросила Мариша, распахивая дверцу рядом с водителем.

– Занято, – буркнул мужик.

Судя по манерам, это точно был наш Сева.

– А я все равно останусь, – прощепетала Мариша. – И моя подружка тоже.

Мужик оглянулся на меня и помрачнел еще больше.

– Ах, как нам повезло, что мы вас встретили, – ворковала Мариша. – Нам просто безотлагательно нужно ехать. А машина сломалась. Вы не представляете, какие черствые люди живут в нашем городе. Мы битый час умоляем их помочь нам, но ни одна сволочь даже карточку телефонную не предложила. А нам просто необходимо вызвать буксир. А у вас есть карточка?

– Что у вас стряслось-то? – спросил мужик.

– Перестал заводиться двигатель, – беспечно сказала Мариша.

– Только и делов? И из-за таких пустяков спасателей беспокоить? Я вам помогу. Где машина?

– Вон, – кивнула Мариша. – «Опель».

Она первой выскочила из машины, я высунула ноги наружу, но с сиденья не встала. Хозяин «пятерки» подозрительно покосился на меня, но потом все-таки потопал за Маришей, правда, предварительно вытащив ключи зажигания. Стоило им отойти на несколько шагов, как я стремительно ринулась вперед, к бардачку, где всякий уважающий себя водитель хранит нужные и не очень нужные документы и бумажки. Меня бы устроила любая, на которой имелось имя водителя.

Я копалась среди всякого хлама, но пока что не нашла ни одного документа. Должно быть, все важные бумаги водитель носил при себе. А между тем времени у меня было не так уж много. Маришин «Опель» завелся с полуоборота, и водитель «пятерки» с недовольно миной на физиономии уже брел обратно. Наконец мне в руки попала какая-то квитанция, которая валялась тут уже явно давно и которую я впопыхах несколько раз прошляпила. Есть! На бумажке были начертаны три волшебных слова: Солоняка Всеволод Иванович. Теперь он был у нас в руках.

Я поспешно вернулась на заднее сиденье. И в самое время, потому что Сева уже подбегал к машине. Следом за ним спешила Мариша.

– Ну как? – спросила я. – Починили машину?

– Чего там чинить, – буркнул Сева. – Цела ваша машина. Ездить уметь надо.

– Правда, Сева? – небрежно бросила я.

– Мы знакомы? – удивился Сева. – Что-то я вас, девочки, не припомню.

– Не припомните, потому что лично мы не встречались. Зато у нас есть общие знакомые, верней, одна общая знакомая, – сказала Мариша. – Серафима Ильинична. Помните женщину, которую вы подбросили на ступени Кировской больницы?

– Никаких женщин я никуда не подбрасывал, – отказался Сева. – Нужно больно, пусть другие такими гадостями занимаются.

– А вот сторож Михеич почему-то вас помнит, – сказала Мариша, безбожно перебрав прозвище сторожа.

Но, как ни странно, Сева сразу врубился, о ком идет речь.

– И номера на машине совершенно не обязательно было менять, – сказала я. – Мы их еще вчера срисовали и имя ваше вычислили.

– Вы ошиблись, – уверенно соврал Сева.

В ответ я помахала у него перед носом квитанцией с его фамилией.

– Может быть, тогда объяснишь, как эта бумажка оказалась у тебя? И не вздумай говорить, что тебе ее подбросили.

– Лучше объясни, что ты тут делаешь и какого черта следил за моим дядей? – набросилась на него Мариша. – И почему машина у тебя помята?

– Эй, девчонки, полегче! – остановил нас Сева. – Я за вами не успеваю. Мне бы вашу прыть. Это откуда же вы столько информации набрали?

– Грубая лесть тебе не поможет, – заметила польщенная Мариша. – Признавайся, следил за моим дядей?

– Смотря кто твой дядя, – уклончиво ответил Сева.

– Теперь он идиотом прикидывается! – возмутилась Мариша. – Если твоя пассажирка Серафима Ильинична – моя тетя, то, значит, мой дядя – тот тип на темно-синей «Ауди», которого вы выслеживали до Обводного канала.

– Теперь понял, – сказал Сева. – Да, я за ним следил. Был такой грешок.

– И куда он делся?

– Кто? Мой грешок?

– Ты прекрасно понимаешь, кто! – разозлилась Мариша. – Мой дядя, вот кто!

– А разве тебе тетя не рассказала? – удивился Сева. – Мне казалось, что ее жизни ничто не угрожает. Так что она должна была вам рассказать, кто похитил ее мужа и его любовницу, раз вы здесь.

– Допустим, она нам ничего такого не рассказала, пришлось задействовать другие источники, – буркнула Мариша. – Но я тебя поняла. Не понимаю только, чего ради ты следишь теперь за Гариком?

– А, так вы и его имя узнали! – обрадовался Сева. – Вы просто чудеса творите. Ну, а насчет того, зачем я за ним слежу, так твоя тетя наняла меня на работу, вот я и обрабатываю.

– Какой честный, – умилилась Мариша. – Но, насколько я знаю, моя тетка тебе еще ни копейки не заплатила.

– Заплатит, – уверенно сказал Сева. – Она, похоже, женщина порядочная. Раз обещала, значит, заплатит. Тем более, если к моменту ее выписки из больницы я уже смогу предъявить ей живого и здорового мужа.

Его объяснение выглядело довольно нелепо. Но если учесть царящую в стране безработицу и нищету, то Севе можно было и поверить.

– Мы тоже ищем дядю, но в отличие от тебя совершенно бескорыстно, – сказала Мариша. – Так что, если хочешь, можем объединить силы, тем более что для тебя это чистая халява.

– Девчонки вы пробивные, – согласился Сева. – Придется согласиться. Давайте знакомиться для начала.

Мы представились.

– Я так понимаю, что выбора у меня особого нет, – заявил Сева. – Если я не соглашаюсь, вы все равно продолжаете расследование и все время перебегаете мне дорогу. А то еще, чего доброго, первыми найдете своего дядю, и тогда плакало мое вознаграждение.

– Молодец, – сказала Мариша, усаживаясь в «пятерку» на заднее сиденье рядом со мной. – Теперь нам надо кое-что обсудить.

– Например?

– Например, что ты, Сева, делал вчера всю ночь?

– Минуточку, я так не согласен. Моя личная жизнь вас не касается.

– Первый удар не в твою пользу, – сказала я. – Новым компаньонам нельзя врать, иначе рискуешь, что они тебя потом всю жизнь проверять станут. Первое впечатление – самое верное.

– А в чем дело? – удивился Сева. – Я был у женщины.

– Машину тебе там же помяли? – спросила Мариша. – Неужели ты хочешь сказать, что после отъезда Гарика из кафе не проследил за ним? Я видела твою машину возле кафе «У самого синего моря». Она была тогда целехонькая.

Это был блеф чистой воды, но Сева об этом не знал и купился.

– Черт, от вас ничего не скроешь, – сказал он. – Такое впечатление, что у вас вместо глаз пюпитры.

– Ты, должно быть, хотел сказать, юпитеры, – поправила я его. – Потому что пюпитры – это такие высокие раскладные подставки, на которые кладут ноты музыканты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.